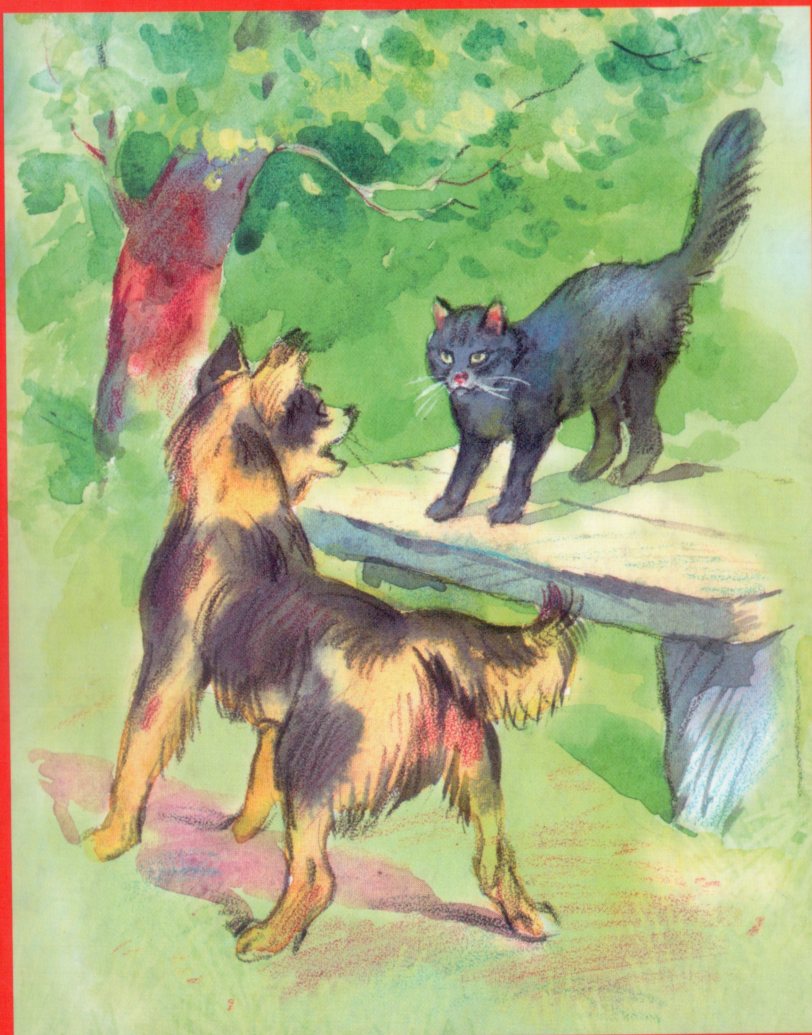

ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА

Б. Житков
**БЕСПРИЗОРНАЯ
КОШКА**

Б. Житков

**БЕСПРИЗОРНАЯ
КОШКА**

Рассказы и сказки

Художник *В. Дугин*

«Искателькнига»

Житков Борис Степанович (1882—1938) родился в Новгороде в семье преподавателя математики. Учился в гимназии, потом поступил в Новороссийский университет, который окончил в 1906 г. Позднее Житков учился в Петербургском политехническом институте на отделении кораблестроения.

Настойчивость и упорство помогли Житкову овладеть многими профессиями: морской офицер, кораблестроитель, штурман парусника, преподаватель физики. Писателем он стал случайно: по просьбе К. Чуковского Житков записал один из своих рассказов. И вскоре в журналах появились рассказы для детей: «Компас», «Про обезьянку», «Как я ловил человечков», «На льдине» и многие другие. Все истории Бориса Житкова правдивы, он писал о том, что ему довелось увидеть или сделать самому.

083317ДА

ГАЛКА

У брата с сестрой была ручная галка. Она ела из рук, давалась гладить, улетала на волю и назад прилетала.

Вот раз сестра стала умываться. Она сняла с руки колечко, положила на умывальник и намылила лицо мылом. А когда она мыло сполоснула, — поглядела: где колечко? А колечка нет.

Она крикнула брату:

— Отдай колечко, не дразни! Зачем взял?

— Ничего я не брал, — ответил брат.

Сестра поссорилась с ним и заплакала.

Бабушка услышала.

— Что у вас тут? — говорит. — Давайте мне очки, сейчас я это кольцо найду.

Бросились искать очки — нет очков.

— Только что на стол их положила, — плачет бабушка. — Куда им деться? Как я теперь в иголку вдену?

И закричала на мальчика:

— Твои это дела! Зачем бабушку дразнишь?

Обиделся мальчик, выбежал из дому. Глядит, — а над крышей галка летает, и что-то у ней

под клювом блестит. Пригляделся — да это очки! Спрятался мальчик за дерево и стал глядеть. А галка села на крышу, огляделась, не видит ли кто, и стала очки на крыше клювом в щель запихивать.

Вышла бабушка на крыльцо, говорит мальчику:

— Говори, где мои очки?

— На крыше! — сказал мальчик.

Удивилась бабушка. А мальчик полез на крышу и вытащил из щели бабушкины очки. Потом вытащил оттуда и колечко. А потом достал стёклышек, а потом разных денежек много штук.

Обрадовалась бабушка очкам, а сестра колечку и сказала брату:

— Ты меня прости, я ведь на тебя подумала, а это галка-воровка.

И помирилась с братом.

Бабушка сказала:

— Это всё они, галки да сороки. Что блестит, всё тащат.

ОХОТНИК И СОБАКИ

Рано утром встал охотник, взял ружьё, патроны, сумку, позвал двух своих собак и пошёл стрелять зайцев. Был сильный мороз, но ветра совсем не было. Охотник шёл на лыжах и разогрелся от ходьбы. Ему было тепло.

Собаки забегали вперёд и выгоняли на охотника зайцев. Охотник ловко стрелял и набил пять штук. Тут он заметил, что зашёл далеко.

«Пора и домой, — подумал охотник, — от

моих лыж видны следы, и, пока не стемнело, я по следам дойду домой. Перейду овраг, а там уж недалеко».

Он спустился вниз и увидел, что в овраге черным-черно от галок. Они сидели прямо на снегу. Охотник понял, что дело неладно.

И верно: он только вышел из оврага, как задул ветер, пошёл снег, и началась метель. Впереди ничего не было видно; следы запорошило снегом.

Охотник свистнул собак.

«Если собаки не выведут меня на дорогу,— подумал он,— я пропал. Куда идти, я не знаю. Заблужусь, занесёт меня снегом, и я замёрзну».

Пустил он собак вперёд, а собаки отбегут пять шагов, и охотнику не видно, куда за ними идти. Тогда он снял пояс, отвязал все ремешки и верёвки, какие на нём были, привязал собак за ошейники и пустил вперёд. Собаки его потащили, и он на лыжах, как на санях, приехал к себе в деревню.

Он дал каждой собаке по целому зайцу, потом разулся и лёг на печь, а сам всё думал:

«Кабы не собаки, пропал бы я сегодня».

КАК СЛОН СПАС ХОЗЯИНА ОТ ТИГРА

У индусов есть ручные слоны. Один индус пошёл со слоном в лес по дрова. Лес был глухой и дикий. Слон протапывал хозяину дорогу и помогал валить деревья, а хозяин грузил их на слона.

Вдруг слон перестал слушаться хозяина, стал оглядываться, трясти ушами, а потом поднял хобот и заревел. Хозяин тоже оглянулся, но ничего не заметил. Он стал сердиться на слона и бить его по ушам веткой. А слон загнул хобот крючком, чтоб поднять хозяина на спину. Хозяин подумал: «Сяду ему на шею — так мне ещё удобней будет им править».

Он уселся на слона и стал веткой хлестать слона по ушам. А слон пятился, топтался и вертел хоботом. Потом замер и насторожился.

Хозяин поднял ветку, чтобы изо всей силы ударить слона, но вдруг из кустов выскочил огромный тигр. Он хотел напасть на слона сзади и вскочить на спину.

Но он попал лапами на дрова, дрова посыпались. Тигр хотел прыгнуть другой раз, но слон уже повернулся, схватил хоботом тигра поперёк живота, сдавил, как толстым канатом. Тигр раскрыл рот, высунул язык и мотал лапами. А слон уж поднял его вверх, потом ударил оземь и стал топтать ногами.

А ноги у слона — как столбы. И слон растоптал тигра в лепёшку. Когда хозяин опомнился от страха, он сказал:

— Какой я глупый, что бил слона! А он мне жизнь спас.

Хозяин достал из сумки хлеб, что приготовил для себя, и весь отдал слону.

БЕСПРИЗОРНАЯ КОШКА

I

Я жил на берегу моря и ловил рыбу. У меня была лодка, сетки и разные удочки. Перед домом стояла будка, и на цепи огромный пёс. Мохнатый, весь в чёрных пятнах, — Рябка. Он стерёг дом. Кормил я его рыбой. Я работал с мальчиком, и кругом на три версты никого не было. Рябка так привык, что мы с ним разговаривали, и очень простое он понимал. Спросишь его: «Рябка, где Володя?» Рябка хвостом завилает и повернёт морду, куда Володя ушёл. Воздух носом тянет, и всегда верно. Бывало, придёшь с моря ни с чем, а Рябка ждёт рыбы. Вытянется на цепи, подвизгивает.

Обернёшься к нему и скажешь сердито:

— Плохи наши дела, Рябка! Вот как... — Он вздохнёт, ляжет и положит на лапы голову. Уж и не просит больше, понимает.

Когда я надолго уезжал на море, я всегда Рябку трепал по спине и уговаривал, чтобы хорошо стерёг. И вот хочу отойти от него, а он встанет на задние лапы, натянет цепь и обхватит меня лапами. Да так крепко — не пускает. Не хочет долго один оставаться: и скучно, и голодно.

Хорошая была собака!

II

А вот кошки у меня не было, и мыши одолевали. Сетки развесишь, так они в сетки залезут, запутаются и перегрызут нитки, напортят. Я их

находил в сетках — запутается другая и попадёт. И дома всё крадут, что ни положи.

Вот я и пошёл в город. Достану, думаю, себе весёлую кошечку, она мне всех мышей переловит, а вечером на коленях будет сидеть и мурлыкать.

Пришёл в город. По всем дворам ходил — ни одной кошки. Ну, нигде!

Я стал у людей спрашивать:

— Нет ли у кого кошечки? Я даже деньги заплачу, дайте только.

А на меня сердиться стали:

— До кошек ли теперь? Война идёт, всюду голод, а тут котов держи.

А один сказал:

— Самому есть нечего, а не то что его, дармоёда, кормить!

Вот те и на! Куда же это все коты девались? Кот привык жить на готовеньком: нажрался, накрал и вечером на тёплой плите растянулся. И вдруг такая беда! Печи не топлены, хозяева сами чёрствую корку сосут. И украсть нечего. Да и мышей в голодном доме тоже не сыщешь.

Перевелись коты в городе. Так ни одной кошки не достал.

III

Настала зима, и море замёрзло. Ловить рыбу стало нельзя. А у меня было ружьё. Вот я зарядил ружьё и пошёл по берегу. Кого-нибудь подстрелю: на берегу в норах жили дикие кролики.

Вдруг смотрю — на месте кроличьей норы большая дырка раскопана, как будто ход для большого зверя. Я скорее туда. Присел и заглянул в нору. Темно. А когда пригляделся, вижу: там, в глубине, два глаза светятся. Что, думаю, за зверь такой завёлся? Я сорвал хворостинку — и в нору. А оттуда как зашипит!

Я назад попятился. Фу ты! Да это кошка! Так вот куда кошки из города переехали!

Я стал звать:

— Кис-кис! Кисонька! — И просунул руку в нору.

А кисонька как заурчит, да таким зверем, что я руку отёрнул. Ну тебя, какая ты злая!

Я пошёл дальше и увидел, что много кроличьих нор раскопано. Это кошки пришли из города, раскопали пошире кроличьи норы, кроликов выгнали и стали жить по-дикому.

IV

Я стал думать, как бы переманить кошку к себе в дом.

Вот раз я встретил кошку на берегу. Большая, серая, мордастая. Она, как увидела меня, отскочила в сторону и села. Злыми глазами на меня глядит. Вся напряжилась, замерла, только хвост вздрагивает. Ждёт, что я буду делать.

А я достал из кармана корку хлеба и бросил ей. Кошка глянула, куда корка упала, а сама ни с места. Опять на меня уставилась. Я обошёл стороной и оглянулся: кошка прыгнула, схватила корку и побежала к себе домой, в нору.

Так мы с ней часто встречались, но кошка никогда меня к себе не подпускала. Раз в сумерках я её принял за кролика и хотел уже стрелять.

V

Весной я начал рыбачить, и около моего дома запахло рыбой.

Вдруг слышу — лает мой Рябка. И смешно как-то лает: бестолково, на разные голоса, и подвизгивает. Я вышел и вижу: по весенней траве, не торопясь, шагает к моему дому большая серая кошка. Я сразу её узнал. Она нисколько не боялась Рябчика, даже не глядела на него, а выбирала только, где бы ей посуше ступить. Кошка увидела меня, уселась и стала глядеть и облизываться. Я скорее побежал в дом, достал рыбёшку и бросил.

Она схватила рыбу и прыгнула в траву. Мне с крыльца было видно, как она стала жадно есть. Ага, думаю, давно рыбы не ела.

И стала с тех пор кошка ходить ко мне в гости. Я всё её задабривал и уговаривал, чтобы перешла ко мне жить. А кошка всё дичилась и близко к себе не подпускала. Съест рыбу и убежит. Как зверь.

Наконец мне удалось её погладить, и зверь замурлыкал. Рябка на неё не лаял, а только тянулся на цепи, скулил: ему очень хотелось познакомиться с кошкой.

Теперь кошка целыми днями вертелась около дома, но жить в дом не хотела идти.

Один раз она не пошла ночевать к себе в нору, а осталась на ночь у Рябчика в будке. Рябчик совсем сжался в комок, чтобы дать место.

VI

Рябчик так скучал, что рад был кошке.

Раз шёл дождь. Я смотрю из окна — лежит Рябка в луже около будки, весь мокрый, а в будку не лезет. Я вышел и крикнул:

— Рябка! В будку!

Он встал, конфузливо помотал хвостом. Вертит мордой, топчется, а в будку не лезет.

Я подошёл и заглянул в будку. Через весь пол важно растянулась кошка. Рябчик не хотел лезть, чтобы не разбудить кошку, и мок под дождём.

Он так любил, когда кошка приходила к нему в гости, что пробовал её облизывать, как щенка. Кошка топорщилась и встряхивалась.

Я видел, как Рябчик лапами удерживал кошку, когда она, выпавшись, уходила по своим делам.

VII

А дела у ней вот какие.

Раз слышу — будто ребёнок плачет. Я выскочил, гляжу: катит Мурка с обрыва. В зубах у ней что-то болтается. Подбежал, смотрю — в зубах у Мурки крольчонок. Крольчонок дрыгал лапками и кричал, совсем как маленький ребёнок. Я отнял его у кошки. Обменял у ней на рыбу. Кролик выходился и потом жил у меня в доме. Другой раз я застал Мурку, когда она уже доела большого кролика. Рябка на цепи издали облизывался.

Против дома была яма с пол-аршина глубины. Вижу из окна: сидит Мурка в яме, вся в комок сжалась, глаза дикие, а никого кругом нет. Я стал следить.

Вдруг Мурка подскочила — и мигнуть не успел, а она уже рвёт ласточку. Дело было к дождю, и ласточки реяли у самой земли. А в яме, в засаде, поджидала кошка. Часами сидела она, вся застыв, как охотник: ждала, пока ласточка чиркнет над самой ямой. Хап! — и цапнет лапой на лету.

Другой раз я застал её на море. Бурей выбросило на берег ракушки. Мурка осторожно ходила по мокрым камням и выгребала лапой ракушки на сухое место. Она их разгрызала, как орехи, морщилась и выедала слизняка.

VIII

Но вот пришла беда. На берегу появились беспризорные собаки. Они целой стаей носились по берегу, голодные, озверелые. С лаем, с визгом они проносились мимо нашего дома.

Рябчик весь ощетинился, напрягся. Он глухо ворчал и зло смотрел. Володька схватил палку, а я бросился в дом за ружьём. Но собаки пронеслись мимо, и скоро их не стало слышно.

Рябчик долго не мог успокоиться; всё ворчал и глядел, куда убежали собаки. А Мурка хоть бы что: она сидела на солнышке и важно мыла мордочку. Я сказал Володе:

— Смотри, Мурка-то ничего не боится. Прибегут собаки — она прыг на столб и по столбу на крышу.

Володя говорит:

— А Рябчик в будку залезет и через дырку отгрызётся от всякой собаки. А я в дом запрუსь. Нечего бояться.

Я ушёл в город.

IX

А когда вернулся, то Володька рассказал мне:

— Как ты ушёл, часу не прошло, вернулись дикие собаки. Штук восемь. Бросились на Мурку. А Мурка не стала убегать. У ней под стеной в углу, ты знаешь, кладовая. Она туда зарывает объедки. У ней уж много там накоплено. Мурка бросилась в угол, зашипела, привстала на задние ноги и приготовила когти. Собаки сунулись, трое сразу. Мурка так заработала лапами, шерсть только от собак полетела. А они визжат, воют и уж одна через другую лезут, сверху карабкаются все к Мурке, к Мурке...

— А ты чего смотрел?

— Да я не смотрел. Я скорее в дом, схватил ружьё и стал молотить изо всей силы по собакам прикладом, прикладом. Всё в кашу замешалось. Я думал, от Мурки клочья одни останутся. Я уж тут бил по чём попало. Вот смотри, весь приклад поколотил. Ругать не будешь?

— Ну, а Мурка-то, Мурка?

— А она сейчас у Рябки. Рябка её зализывает. Она в будке.

Так и оказалось. Рябка свернулся кольцом, а в середине лежала Мурка. Рябка её лизал и сердито поглядел на меня. Видно, боялся, что я помешаю — унесу Мурку.

X

Через неделю Мурка совсем оправилась и принялась за охоту.

Вдруг ночью мы проснулись от страшного лая и визга. Володька выскочил, кричит:

— Собаки, собаки!

Я схватил ружьё и, как был, выскочил на крыльцо.

Целая куча собак возилась в углу. Они так ревели, что не слышали, как я вышел.

Я выстрелил в воздух. Вся стая рванулась и без памяти кинулась прочь. Я выстрелил ещё раз вдогонку. Рябка рванулся на цепи, дёргался с разбегу, бесился, но не мог порвать цепи: ему хотелось броситься вслед собакам.

Я стал звать Мурку. Она урчала и приводила в порядок кладовую: закапывала лапкой разрытую ямку.

В комнате, при свете, я осмотрел кошку. Её сильно покусали собаки, но раны были не опасные.

XI

Я заметил, что Мурка потолстела: у неё скоро должны были родиться котята.

Я попробовал оставить её на ночь в хате, но она мяукала и царапалась так, что пришлось её выпустить.

Беспризорная кошка привыкла жить на воле и ни за что не хотела идти в дом.

Оставлять так кошку было нельзя. Видно, дикие собаки повадились к нам бегать. Прибегут, когда мы с Володей будем в море, и загрызут Мурку совсем. И вот мы решили увезти Мурку подальше и оставить жить у знакомых рыбаков.

Мы посадили с собой в лодку кошку и поехали в море.

Далеко, за пятьдесят вёрст от нас, увезли мы Мурку. Туда собаки не забегают. Там жило мно-

го рыбаков. У них был невод. Они каждое утро и каждый вечер завозили невод в море и вытягивали его на берег. Рыбы у них всегда было много.

Они очень обрадовались, когда мы привезли им Мурку. Сейчас же накормили её рыбой до отвала. Я сказал, что кошка в дом жить не пойдёт и что надо для неё сделать нору: это не простая кошка, она из беспризорных и любит волю. Ей сделали из камыша домик, и Мурка осталась стеречь невод от мышей.

А мы вернулись домой. Рябка долго выл и плаксиво лаял. Лаял и на нас: куда мы дели кошку?

Мы долго не были на неводе и только осенью собрались к Мурке.

XII

Мы приехали утром, когда вытягивали невод. Море было совсем спокойное, как вода в блюде. Невод уже подходил к концу, и на берег вытащили вместе с рыбой целую ватагу морских раков — крабов. Они, как крупные пауки, ловкие, быстро бегают и злые. Они становятся на дыбы и щёлкают над головой клешнями: пугают. А если ухватят за палец, так держись: до крови. Вдруг я смотрю: среди всей этой кутерьмы спокойно идёт наша Мурка. Она ловко откидывала крабов с дороги. Подцепит его лапой сзади, где он достать её не может, и швырк прочь.

Краб встаёт на дыбы, пыжится, ляскает клешнями, как собака зубами, а Мурка и внимания не обращает, отшвырнёт, как камешек.

Четыре больших котёнка следили за ней издали, но сами боялись и близко подойти к неводу. А Мурка залезла в воду, вошла по шею, только голова одна из воды торчит. Идёт по дну ногами, а от головы вода расступается.

Кошка лапами нащупывала на дне мелкую рыбёшку, что уходила из невода. Эти рыбки прячутся на дно, закапываются в песок — вот тут-то их и ловила Мурка. Нащупает лапкой, подцепит когтями и бросает на берег своим детям.

Они уж совсем большие коты были, а боялись и ступить на мокрое. Мурка им приносила на сухой песок живую рыбу, и тогда они жрали и зло урчали. Подумаешь, какие охотники!

XIII

Рыбаки не могли нахвалиться Муркой.

— Ай да кошка! Боевая кошка! Ну, а дети не в мать пошли. Лодыри. Рассядутся, как господа, и всё им в рот подай. Вон, гляди, расселись как! Ишь, развалились! Брысь!

Рыбак замахнулся, а коты и не шевельнулись.

— Вот только из-за мамыши и терпим. Выгнать бы их надо.

Коты так обленились, что им лень было играть с мышью.

XIV

Я раз видел, как Мурка притащила им в зубах мышь. Она хотела их учить, как ловить мышей. Но коты лениво перебирали лапами и упускали мышь.

Мурка бросалась вдогонку и снова приносила им. Но они и смотреть не хотели: валялись на солнышке по мягкому песку и ждали обеда, чтобы без хлопот наесться рыбьих головок.

— Ишь, мамашины сынки! — сказал Володька и бросил в них песком. — Смотреть противно. Вот вам!

Коты трянули ушами и перевалились на другой бок. Лодыри!

ПРО СЛОНА

Мы подходили на пароходе к Индии. Утром должны были прийти. Я сменился с вахты, устал и никак не мог заснуть: всё думал, как там будет. Вот как если б мне в детстве целый ящик игрушек принесли и только завтра можно его распаковать. Всё думал: вот утром сразу открою глаза, и индусы, чёрные, заходят вокруг, забормочут непонятно, не то что на картинке. Бананы прямо на кусте, город новый — всё зашевелится, заиграет. И слоны! Главное, слонов мне хотелось посмотреть. Всё не верилось, что они там не так, как в зоологическом, а запросто ходят, возят: по улице вдруг такая громада идёт!

Заснуть не мог, прямо ноги от нетерпения чесались. Ведь это, знаете, когда сушей едешь, совсем не то: видишь, как всё постепенно меняется. А тут две недели океан — вода и вода, и сразу новая страна. Как занавес в театре подняли.

Наутро затопали на палубе, загудели. Я бросился к иллюминатору, к окну, — готово: город

белый на берегу стоит; порт, суда, около борта шлюпки; в них чёрные люди в белых чалмах, — зубы блестят, кричат что-то; солнце светит изо всей силы, жжёт, кажется — светом давит. Тут я как с ума сошёл, задохнулся прямо: как будто я — не я, и всё это сказка. Есть ничего с утра не хотел. Товарищи дорогие, я за вас по две вахты в море стоять буду — на берег отпустите скорей!

Выскочили вдвоём на берег. В порту, в городе всё бурлит, кипит, народ толчётся, а мы — как оголтелые, и не знаем, что смотреть, и не идём, а будто нас что несёт (да и после моря по берегу всегда странно ходить). Смотрим — трамвай. Сели в трамвай, сами толком не знаем, зачем едем, лишь бы дальше. Трамвай нас мчит, мы смотрим по сторонам и не заметили, как выехали на окраину. Дальше не идёт. Вылезли. Дорога. Пошли по дороге. Придём куда-нибудь!

Тут мы немного успокоились и заметили, что здорово жарко. Солнце над самой маковкой стоит; тень от тебя не ложится, а вся тень под тобой: идёшь и тень свою топчешь.

Порядочно уж прошли, уже людей не стало встречаться, смотрим — навстречу слон. С ним четверо ребят, бегут рядом по дороге. Я прямо глазам не поверил: в городе ни одного не видали, а тут запросто идёт по дороге. Мне казалось, что из зоологического вырвался. Слон нас увидел и остановился. Нам жутковато стало: больших при нём никого нет, ребята одни. А кто его знает, что у него на уме? Мотанёт раз хоботом — и готово.

А слон, наверно, про нас так думал: идут какие-то необыкновенные, неизвестные — кто их

знает? И стал. Сейчас хобот загнул крючком, мальчишка старший стал на крюк на этот, как на подножку, рукой за хобот придерживается, и слон его осторожно отправил себе на голову. Тот там уселся между ушами, как на столе. Потом слон тем же порядком отправил ещё двоих сразу, а четвёртый был маленький, лет трёх, должно быть, — на нём только рубашонка была коротенькая, вроде лифчика. Слон ему подставил хобот — иди, мол, садись. А он выкрутасы разные делает, хохочет, убегает. Старший кричит ему сверху, а он скачет и дразнит — не возмёшь, мол. Слон не стал ждать, опустил хобот и пошёл — сделал вид, что он на его фокусы и смотреть не хочет. Идёт, хоботом мерно покачивает, а мальчишка вьётся около ног, кричится. И как раз, когда он ничего не ждал, слон вдруг хоботом цап! Да так ловко! Поймал его за рубашонку сзади и подымает вверх осторожно. Тот руками, ногами, как жучок. Нет уж! Никаких тебе. Поднял его слон, осторожно опустил себе на голову, а там ребята его приняли. Он там, на слоне, всё ещё воевать пробовал.

Мы поравнялись, идём стороной дороги, а слон — с другого бока и на нас внимательно и осторожно глядит. А ребята тоже на нас смотрят и шепчутся меж собой. Сидят, как на крыше.

«Вот, — думаю, — здорово! Им нечего там бояться. Если б и тигр попался навстречу, слон тигра поймает, схватит хоботищем поперёк живота, сдавит, швырнёт выше дерева и, если на клыки не подцепит, всё равно будет ногами топтать, пока в лепёшку не растопчет».

А тут мальчишку взял, как козьявку, двумя пальчиками: осторожно и бережно.

Слон прошёл мимо нас; смотрим — сворачивает с дороги и направо в кусты. Кусты плотные, колючие, стеной растут. А он через них, как через бурьян, — только ветки похрустывают, — перелез и пошёл к лесу. Остановился около дерева, взял хоботом ветку и пригнул ребятам. Те сейчас повскакали на ноги, схватились за ветку и что-то с неё обирают. А маленький подскакивает, старается тоже себе ухватить, возится, будто он не на слоне, а на земле стоит. Слон пустил ветку и другую пригнул. Опять та же история. Тут уж маленький совсем, видно, в роль вошёл: совсем залез на эту ветку, чтоб ему тоже досталось, и работает. Все кончили, слон пустил ветку, а маленький-то, смотрим, так и полетел с веткой. Ну, думаем, пропал — полетел теперь, как пуля, в лес. Бросились мы туда. Да нет, куда там! Не пролезть через кусты: колючие, и густые, и путаные. Смотрим — слон в листьях хоботом шарит. Нащупал этого маленького — он там, видно, обезьянкой уцепился, — достал его и посадил на место. Потом слон вышел на дорогу впереди нас и пошёл обратно. Мы за ним. Он идёт и по временам оглядывается, на нас косится: чего, мол, сзади идут какие-то?

Так мы за слоном пришли к дому. Вокруг плетень. Слон отворил хоботом калиточку и осторожно просунулся во двор; там ребят спустил на землю. Во дворе индуска на него начала кричать что-то. Нас она сразу не заметила. А мы стоим, через плетень смотрим.

Индуска орёт на слона. Слон нехотя повер-

нулся и пошёл к колодцу. У колодца врыты два столба, и между ними вьюшка; на ней верёвка намотана, и ручка сбоку. Смотрим — слон взялся хоботом за ручку и стал вертеть; вертит, как будто пустую, вытащил — целая бадья там на верёвочке, вёдер десять. Слон упёрся корнем хобота в ручку, чтобы не вертелась, изогнул хобот, подцепил бадью и, как кружку с водой, поставил на борт колодца. Хозяйка набрала воды, ребят тоже заставила таскать — она как раз стирала. Слон опять бадью спустил и полную выкрутил наверх. Хозяйка опять его начала ругать. Слон пустил бадью в колодец, потрянул ушами и пошёл прочь — не стал воду больше доставать, пошёл под навес. А там в углу двора на хлипких столбиках навес был устроен, только-только слону под него подлезть. Сверху камыш накидан и какие-то листья длинные.

Тут как раз индус, сам хозяин. Увидал нас. Мы говорим — слона пришли смотреть. Хозяин немного знал по-английски. Спросил: кто мы, всё на мою русскую фуражку показывает. Я говорю — русские. — «Не англичане?» — «Нет, — говорю, — не англичане». Он обрадовался, сразу другой стал, позвал к себе.

А индусы англичан терпеть не могут: англичане давно их страну завоевали, распоряжаются там и индусов у себя под пятой держат. Я спрашиваю:

— Чего это слон не выходит?

— А это он, — говорит, — обиделся, и, значит, не зря. Теперь нипочём работать не станет, пока не отойдёт.

Смотрим — слон вышел из-под навеса, в калитку и прочь со двора. Думаем, теперь совсем

уйдёт. А индус смеётся. Слон пошёл к дереву, опёрся боком и ну тереться! Дерево здоровое — прямо всё ходуном ходит. Это он чешется так вот, как свинья об забор.

Почесался, набрал пыли в хобот и туда, где чесал, пылью, землёй как дунет! Раз, и ещё, и ещё... Это он прочищает, чтобы не заводилось ничего в складках: вся кожа у него твёрдая, как подошва, а в складках — потоньше, а в южных странах всяких насекомых кусачих масса.

Ведь смотрите, какой: об столбики в сарае не чешется, чтобы не развалить, осторожно даже пробирается туда, а чесаться ходит к дереву. Я говорю индусу:

— Какой он у тебя умный!

А он хохочет:

— Ну, — говорит, — если бы я полтора года лет прожил, не тому ещё выучился бы. А он, — показывает на слона, — моего деда ещё нянчил.

Я глянул на слона — мне показалось, что не индус тут хозяин, а слон, слон тут самый главный. Я говорю:

— Старый он у тебя?

— Нет, — говорит, — ему полтора года лет, он в самой поре! Вон у меня слонёнок есть, его сын, — двадцать лет ему, совсем ребёнок. К сорока годам в силу только входить начнёт. Вот поглядите, придёт слониха, увидите: он маленький.

Пришла слониха и с ней слонёнок — с лошадь величиной, без клыков; он за матерью, как жеребёнок, шёл.

Ребята индусовы бросились матери помогать, стали прыгать, куда-то собираться. Слон тоже

пошёл; слониха и слонёнок — с ними. Индус объясняет, что на речку. Мы тоже с ребятами.

Они нас не дичились. Все пробовали говорить — они по-своему, мы по-русски — и хохотали всю дорогу. Маленький больше всех к нам приставал: всё мою фуражку надевал и что-то кричал смешное — может быть, про нас. Воздух в лесу пахучий, пряный, густой. Шли лесом. Пришли к реке. Не река, а поток — быстрый, так и мчит, так берег и гложет. К воде обрывчик в аршин. Слоны вошли в воду, взяли с собой слонёнка. Поставили, где ему по грудь вода, и стали его вдвоём мыть. Наберут со дна песку с водой в хобот и, как из кишки, его поливают. Здорово так, только брызги летят. А ребята боятся в воду лезть; больно уж быстрое течение, унесёт. Скачут на берегу и давай в слона камешками кидать. Ему нипочём, он даже внимания не обращает — всё своего слонёнка моет. Потом, смотрю, набрал в хобот воды и вдруг как повернёт на мальчишек и одному прямо в лицо как дунет струёй! Тот так и сел. Хохочет — заливается.

Слон опять своего мыть. А ребята ещё пуще камешками его донимать. Слон только ушами трясёт: не приставайте, мол, видите, некогда баловаться! И как раз, когда мальчишки не ждали, думали — он водой на слонёнка дунет, он сразу хобот повернул да в них. Те рады, кувыркаются.

Слон вышел на берег; слонёнок ему хобот протянул, как руку. Слон заплёл свой хобот об его и помог ему на обрывчик вылезть. Пошли все домой: трое слонов и четверо ребят. На другой день я уж расспросил, где можно слонов поглядеть на работе.

На опушке леса, у реки, нагроможден целый город тесаных брёвен: штабеля стоят, каждый вышиной с избу. Тут же стоял один слон. И сразу видно было, что он уже совсем старик: кожа на нём совсем обвисла и заскорузла, и хобот, как тряпка, болтается. Уши обгрызенные какие-то. Смотрю — из лесу идёт другой слон. В хоботе качается бревно — громадный брус обтёсанный. Пудов, должно быть, во сто. Носильщик грузно переваливается, подходит к старому слону. Старый подхватывает бревно с одного конца, а носильщик опускает бревно и перебирается хоботом в другой конец. Я смотрю: что же это они будут делать? А слоны вместе, как по команде, подняли бревно на хоботах вверх и аккуратно положили на штабель. Да так ровно и правильно — как плотник на постройке.

И ни одного человека около них. Я потом узнал, что этот старый слон и есть главный артельщик; он уже состарился на этой работе.

Носильщик ушёл не спеша в лес, а старик повесил хобот, повернулся задом к штабелю и стал смотреть на реку, как будто хотел сказать: «Надоело мне это, и не глядел бы». А из лесу идёт уже третий слон с бревном. Мы туда, откуда выходили слоны. Прямо стыдно рассказывать, что мы тут увидели. Слоны с лесных разработок таскали эти брёвна к речке. В одном месте у дороги два дерева по бокам, да так, что слону с бревном не пройти. Слон дойдёт до этого места, опустит бревно на землю, повернёт бревно вдоль дороги, присядет на передние колена, подвернёт хобот и самым носом, самым корнем хобота толкает бревно вперёд. Земля, камень

летят, трёт и пашет бревно землю, а слон ползёт и пихает. Видно, как трудно ему на коленях ползти. Потом встанет, отдышится и не сразу за бревно берётся. Опять повернёт его поперёк дороги, опять на коленки. Положит хобот на землю и коленками накатывает бревно на хобот. Как хобот не раздавит! Глядь, снова уже встал и несёт. Качается, как грузный маятник, бревнище на хоботе.

Их было восемь — всех слонов-носильщиков, и каждому приходилось пихать бревно носом: люди не хотели спилить те два дерева, что стояли на дороге.

Нам неприятно стало смотреть, как тужится старик у штабеля, и жаль было слонов, что ползали на коленках. Мы недолго постояли и ушли.

МАНГУСТА

Я очень хотел, чтобы у меня была настоящая живая мангуста. Своя собственная. И я решил: когда наш пароход придёт на остров Цейлон, я куплю себе мангусту и отдам все деньги, сколько ни спросят.

И вот наш пароход у острова Цейлона. Я хотел скорей бежать на берег, скорей найти, где они продаются, эти зверьки. И вдруг к нам на пароход приходит чёрный человек (тамошние люди все чёрные), и все товарищи обступили его, толпятся, смеются, шумят. И кто-то крикнул: «Мангусты!» Я бросился, всех растолкал и вижу — у чёрного человека в руках клетка, а в ней серые зверьки. Я так боялся, чтобы

кто-нибудь не перехватил, что закричал прямо в лицо этому человеку:

— Сколько?

Он даже испугался: так я крикнул. Потом понял, показал три пальца и сунул мне в руки клетку. Значит, всего три рубля, с клеткой вместе, и не одна, а две мангусты! Я сейчас же расплатился и перевёл дух: я совсем запыхался от радости. Так обрадовался, что забыл спросить этого чёрного человека, чем кормить мангуст, ручные они или дикие. А вдруг они кусаются? Я спохватился, побежал за человеком, но его уж и след простыл. Я решил сам узнать, кусаются мангусты или нет. Я просунул палец через прутья клетки. И просунуть-то не успел, как уж готово — мой палец схватили. Схватили маленькие лапки, цепкие, с коготками. Быстро-быстро кусает меня мангуста за палец. Но совсем не больно: это она нарочно, так, играет. А другая забила в угол клетки и смотрит искоса своим чёрным блестящим глазом.

Мне скорей захотелось взять на руки, погладить эту, что кусает только для шутки. И только я приоткрыл клетку, эта самая мангуста юрк! — и уж побежала по каюте. Она суетилась, бегала по полу, всё нюхала и крикала: кррык! кррык! — как будто ворона. Я хотел её поймать, нагнулся, протянул руку, и вмиг мангуста мелькнула мимо моей руки, и уж в рукаве. Я поднял руку, и готово: мангуста уже за пазухой. Она выглянула из-за пазухи, крякнула весело и снова спряталась. И вот слышу, она уж под мышкой, и пробирается в другой рукав, и выскочила из другого рукава на волю. Я хотел её погладить

и только поднёс руку, как вдруг мангуста подскочила вверх сразу на всех четырёх лапах, как будто под каждой лапой пружинка. Я даже руку отдёнул, будто от выстрела. А мангуста снизу глянула на меня весёлыми глазками и снова: кррык! И смотрю — уж сама на колени ко мне взобралась и тут свои фокусы показывает: то свернётся, то миг расправится, то хвост трубой, то вдруг голову просунет меж задних ног. Она так ласково, так весело со мной играла, а тут вдруг постучали в каюту и вызвали меня на работу.

Надо было погрузить на палубу штук пятнадцать огромных стволов каких-то индийских деревьев. Они были корявые, с обломанными сучьями, дуплистые, толщенные, в коре, как были, — из лесу. Но с отпиленного конца видно было, какие они внутри красивые — розовые, красные, совсем чёрные. Мы клали их горкой на палубу и накрепко укручивали цепями, чтобы в море не разболталось. Я работал, а сам всё думал: «Что там мои мангусты? Ведь я им ничего поесть не оставил». Я спрашивал чёрных грузчиков, тамошних людей, что пришли с берега, не знают ли они, чем кормить мангусту, но они ничего не понимали и только улыбались. А наши говорили:

— Давай что попало; она сама разберёт, что ей надо.

Я выпросил у повара мяса, купил бананов, притащил хлеба, блюдце молока. Всё это поставил посреди каюты и открыл клетку. Сам залез на койку и стал глядеть. Из клетки выскочила дикая мангуста, и они вместе с ручной прямо бросились на мясо. Они рвали его зубами, кря-

кали и урчали, лакали молоко. Потом ручная ухватила банан и потащила его в угол. Дикая прыг! — и уж рядом с ней. Я хотел поглядеть, что будет, соскочил с койки, но уж поздно: мангусты бежали назад. Они облизывали мордочки, а от банана остались на полу одни шкурки, как тряпочки.

Наутро мы были уж в море. Я всю свою каюту увесил гирляндами бананов. Они на верёвочках качались под потолком. Это для мангуст. Я буду давать понемногу: надолго хватит. Я выпустил ручную мангусту, и она теперь бегала по мне, а я лежал, полузакрыв глаза и недвижно.

Гляжу — мангуста прыгнула на полку, где были книги. Вот она перелезла на раму круглого парового окна. Рама слегка вихлялась — паровое качало. Мангуста покрепче приотстилась, глянула вниз на меня. Я притаился. Мангуста толкнула лапой в стенку, и рама поехала вбок. И в тот самый миг, когда рама была против банана, мангуста рванулась, прыгнула и обеими лапками ухватила банан. Она повисла на момент в воздухе под самым потолком. Но банан оторвался, и мангуста шлёпнулась об пол. Нет! Шлёпнулся-то банан. Мангуста прыгнула на все четыре лапки. Я привскочил поглядеть. Но мангуста уж возилась под койкой. Через минуту она вышла с замазанной мордой. Она покрякивала от удовольствия.

Эге! Пришлось перевесить бананы к самой середине каюты: мангуста уже пробовала по полотенцу карабкаться повыше. Лазила она, как обезьяна; у неё лапки как ручки: цепкие, ловкие, проворные. Она совсем меня не боялась.

Я выпустил её на палубу погулять на солнце. Она сразу по-хозяйски всё обнюхала и бегала по палубе так, будто она и сроду нигде больше не была и тут её дом. Но на пароходе у нас был свой давнишний хозяин на палубе. Нет, не капитан, а кот. Громадный, откормленный, в медном ошейнике. Он важно ходил по палубе, когда было сухо. Сухо было и в этот день. И солнце поднялось над самой мачтой. Кот вышел из кухни поглядеть, всё ли в порядке. Он увидел мангусту и быстро пошёл, а потом начал осторожно красться. Он шёл по железной трубе. Она тянулась по палубе. Как раз у этой трубы суетилась мангуста. Она как будто и не видела кота. А кот был уже совсем над нею. Ему оставалось только протянуть лапу, чтоб вцепиться когтями ей в спину. Он выжидал, чтоб поудобней.

Я сразу сообразил, что сейчас будет. Мангуста не видит, она спиной к коту, она разнюхивает палубу как ни в чём не бывало. Я бросился бегом. Но не добежал. Кот протянул лапу, и в тот же миг мангуста просунула голову меж задних лап, разинула пасть, громко каркнула, а хвост — громадный, пушистый хвост — поставила вверх столбом, и он стал как ламповый ёжик, что стёкла чистят. В одно мгновение она обратилась в непонятное, невиданное чудище. Кота отбросило назад, как от калёного железа. Он сразу повернул и, задрвав хвост палкой, понёсся прочь без оглядки. А мангуста как ни в чём не бывало снова суетилась и что-то разнюхивала на палубе. Но с тех пор красавца кота редко кто видел. Мангуста на палубе — и кота не сыщешь. Его звали и «кис-кис!» и «Васенька!», повар его

мясом приманивал, но кота найти нельзя было, хоть обыщи весь пароход. Зато у кухни теперь вертелись мангусты; они крикали, требовали от повара мяса. Бедный Васька только по ночам пробирался к повару в каюту, и повар его прикармливал мясом. Ночью, когда мангусты были в клетке, наступало Васькино время.

Но вот раз ночью я проснулся от крика на палубе. Тревожно, испуганно кричали люди. Я быстро оделся и выбежал. Кочегар Фёдор кричал, что сейчас идёт он с вахты, и вот из этих самых индийских деревьев, вот из этой груды, выползла змея и сейчас же назад спряталась. Что змея — во! В руку толщиной, чуть ли не в две сажени¹ длиной. И вот даже на него сунулась. Никто не верил Фёдору, но всё же на индийские деревья поглядывали с опаской. А вдруг и вправду змея? Ну, не в руку толщиной, а ну как ядовитая? Вот и ходи тут ночью! Кто-то сказал: «Они тепло любят, они к людям в койки заползают». Все примолкли. Вдруг все повернулись ко мне.

— А ну, зверюшек сюда, мангустов ваших! А ну, пускай они!..

Я боялся, чтобы ночью не убежала дикая. Но думать было некогда. Уже кто-то сбегал ко мне в каюту и уж нёс сюда клетку. Я открыл её около самой груды, где кончались деревья и видны были чёрные ходы между стволами. Кто-то зажёл электрическую люстру. Я видел, как первой юркнула в чёрный проход ручная и следом за ней дикая. Я боялся, что им прищемит лапки

¹ С а ж е н ь — старая мера длины, равная 2 метрам 134 миллиметрам.

или хвост среди этих тяжёлых брёвен. Но уже было поздно: обе мангусты ушли туда.

— Неси лом! — крикнул кто-то.

А Фёдор уж стоял с топором. Потом все примолкли и стали слушать. Но ничего не слышно было. Вдруг кто-то крикнул:

— Гляди, гляди! Хвост!

Фёдор замахнулся топором; другие отступили дальше. Я схватил Фёдора за руку. Он с перепугу чуть не хватил топором по хвосту — хвост был не змеи, а мангусты. Он то высовывался, то снова втягивался. Потом показались задние лапки. Лапки цеплялись за дерево. Видно, что-то тянуло мангусту назад.

— Помоги кто-нибудь! Видишь, ей не по силам! — крикнул Фёдор.

Никто не помогал, а все попятились назад. Даже Фёдор с топором. Вдруг мангуста изловчилась — видно было, как она вся извивалась, цепляясь за колоды. Она рванулась и вытянула за собой змеиный хвост. Хвост мотнулся; он вскинул вверх мангусту и брякнул её о палубу.

— Убил, убил! — закричали кругом.

Но моя мангуста — это была дикая — мигом вскочила на лапы. Она держала змею за хвост, она впилась в неё своими острыми зубками. Змея сжималась, тянула дикую снова в чёрный проход. Но дикая упиралась всеми лапками и вытаскивала змею всё больше и больше. Змея была толщиной в два пальца, и она была хвостом о палубу, как плетью, а на конце держалась мангуста, и её бросало из стороны в сторону. Я хотел обрубить этот хвост, но Фёдор куда-то скрылся вместе с топором. Его звали, но он не

откликнулся. Все в страхе ждали, когда появится змеиная голова. Сейчас уж конец, и вырвется наружу вся змея. Это что? Это не змеиная голова, это мангустина! И вот и ручная прыгнула на палубу: она впилась в шею змеи сбоку. Змея извивалась, рвалась; она стучала мангустами по палубе, а они держались как пиявки. Вдруг кто-то крикнул:

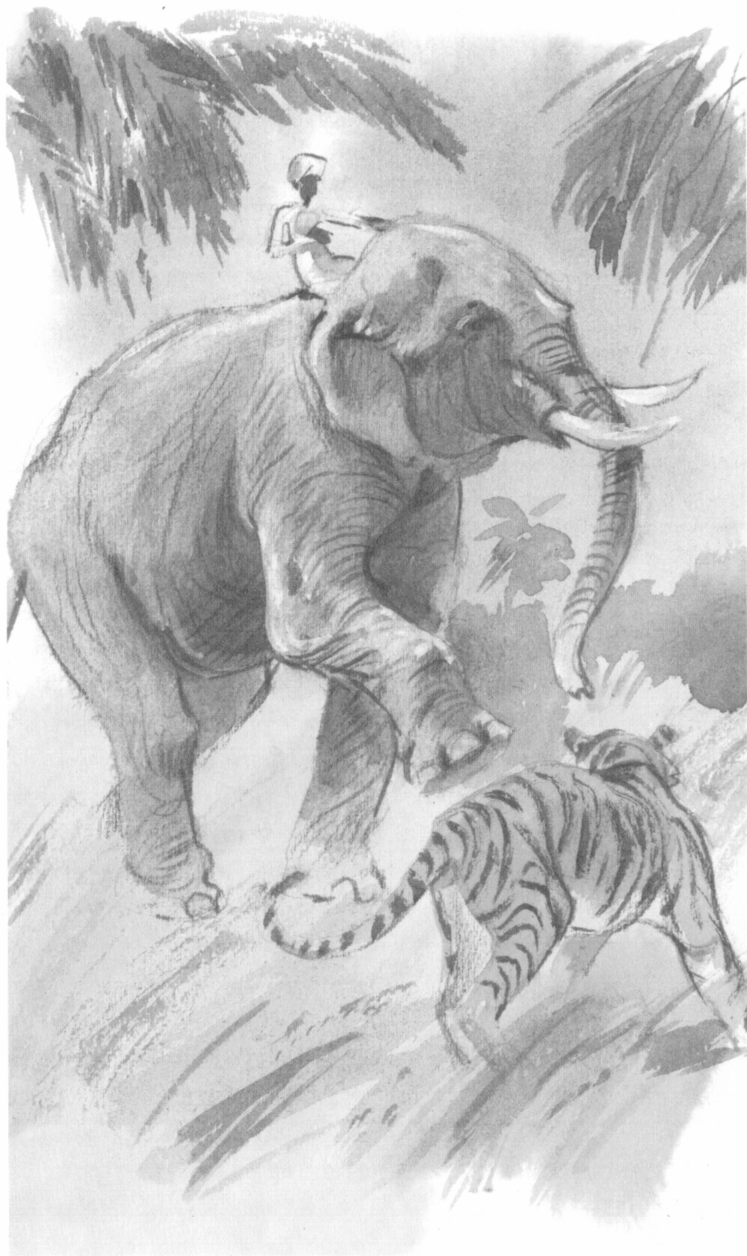
— Бей! — и ударил ломом по змее.

Все бросились и кто чем стали молотить. Я боялся, что в переполохе убьют мангуст. Я оторвал от хвоста дикую. Она была в такой злобе, что укусила меня за руку; она рвалась и царапалась. Я сорвал с себя шапку и завернул ей морду. Ручную оторвал мой товарищ. Мы усадили их в клетку. Они кричали и рвались, хватили зубами решётку. Я кинул им кусочек мяса, но они и внимания не обратили.

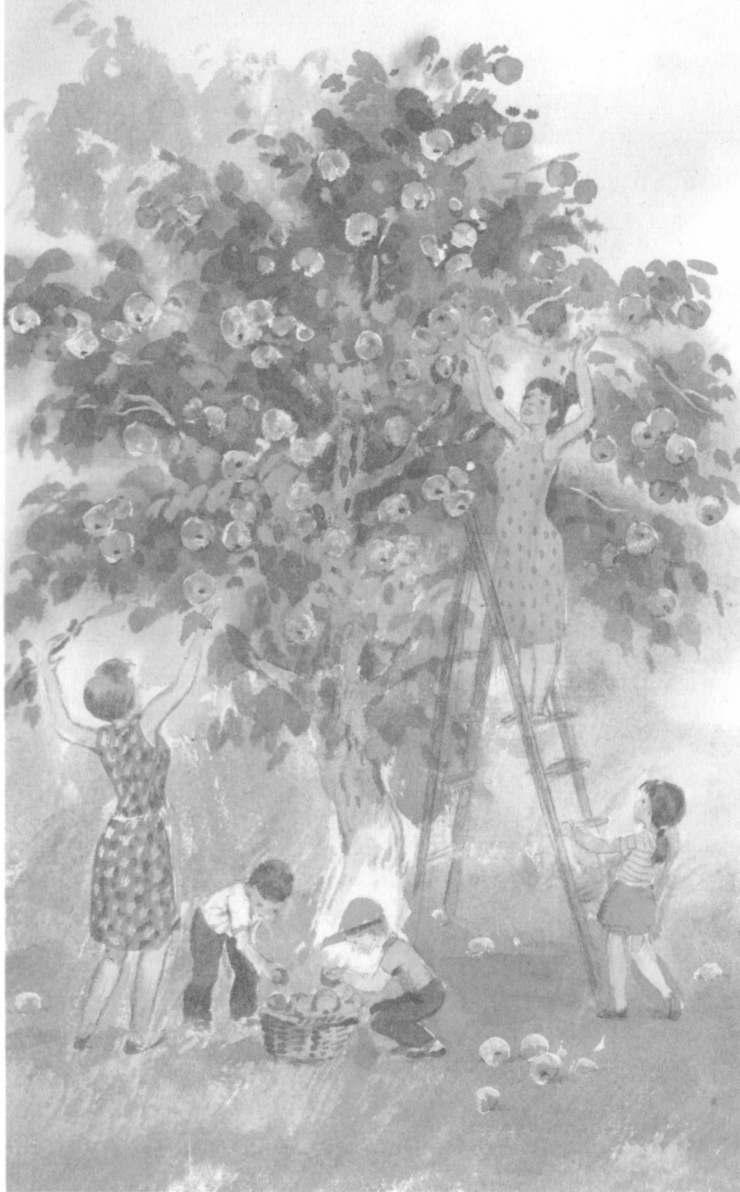
Я потушил в каюте свет и пошёл прижечь йодом покусанные руки. А там, на палубе, всё ещё молотили змею. Потом выкинули за борт.

С этих пор все стали очень любить моих мангуст и таскали им поест, что у кого было. Ручная перезнакомилась со всеми, и её под вечер трудно было дозваться: вечно гостит у кого-нибудь.

Она бойко лазила по снастям. И раз под вечер, когда уже зажгли электричество, мангуста полезла на мачту по канатам, что шли от борта. Все любовались на её ловкость, глядели, задрыв головы. Но вот канат дошёл до мачты. Дальше шло голое, скользкое дерево. Но мангуста извернулась всем телом и ухватилась за медные

К рассказу «Как слон спас хозяина от тигра»

К рассказу «Как яблоки собирают»

трубки. Они шли вдоль мачты. В них — электрические провода к фонарю наверху.

Мангуста быстро полезла ещё выше. Все внизу хлопали в ладоши. Электротехник крикнул:

— Там провода голые! — И побежал тушить электричество.

Но мангуста уже схватилась лапкой за голые провода. Её ударило электрическим током, и она упала с высоты вниз. Её подхватили, но она была недвижна.

Она была ещё тёплая. Я скорей понёс её в каюту доктора. Но каюта его была заперта. Я бросился к себе, осторожно уложил мангусту на подушку и побежал искать нашего доктора. «Может быть, он спасёт моего зверька?» — думал я. Я бегал по всему пароходу, но кто-то уже сказал доктору, и он быстро шёл мне навстречу. Я хотел, чтоб скорей, и тянул доктора за руку. Вошли ко мне.

— Ну, где же она? — сказал доктор.

Действительно, где же? На подушке её не было. Я посмотрел под койку. Стал шарить там рукой. И вдруг: кррык-кррык! — и мангуста выскочила из-под койки как ни в чём не бывало — здоровёхонька.

Доктор сказал, что электрический ток, наверно, только на время оглушил её, а пока я бегал за доктором, мангуста оправилась. Как я радовался! Я всё её к лицу прижимал и гладил. И тут все стали приходить ко мне, все радовались и гладили мангусту — так её любили.

А дикая потом совсем приручилась. И я привёз мангуст к себе домой.

КЕНГУРА

На парусном судне «Зазноба» служил матросом один литвин, Заторский. Пудов на шесть дядя. Силы медвежьей. Бывает, тянут хлопцы брас¹; пятеро их стоит, тужатся, жиятятся; Заторский подойдёт, упрётся — те только за ним слабину подбирают да на кнехт крепят.

Он откудова-то из лесов был и мужицкой повадки своей не бросал: хоть за мокрое берётся, непременно вперёд в руки поплюёт. Ноги узловатые, как коренья, и ходит, будто за землю хватается, так и гребёт.

Бить он никогда никого не бил. Возятся с ним ребята, иной раз — в штиль ведь делать-то нечего — бросаются, как собаки на медведя, а он только смеётся. Потом поплюёт в руки, сгребёт троих, что хвороста охапку, и положит не торопясь на палубу. Добрый был и неразговорчивый. Это уж когда с полчаса все молчат, он, бывало, вдруг хриплым басом заведёт:

«А у нас в зиму — самая охота...» Смешно: штиль, жара, море как масло, а он про снег, про берлоги. Только это редко с ним бывало. На берег идёшь, там в случае скандальчик или что — за ним, как за каменной горой: в обиду не даст.

Вот как-то раз сидим мы на берегу в пивной, и Заторский с нами. Денег мало, так что выпиваем потихоньку. Молчат все.

Заторский уж начал объяснять, как у них там на волка капканы ставят, а Простынёв вдруг перебивает:

¹ Б р а с — снасть, которой поворачивают реи.

— Идём в цирк!

Идём да идём — и так пристал; болтает, ломается. И ведь чёрт его знает, как он у нас на судне завёлся: в каком-то порту подобрали. Жиденький весь какой-то, скользкий, дрыгается. Ну, слякоть одна.

И вечно врёт. То говорит, что из Москвы, то он саратовский. А может быть, он не Простынёв вовсе? То у него мать — вдова, то он у тётки жил. Так его и звали: тёткин сын.

Выпил он на грош, а орёт на весь кабак: в цирк да в цирк! А по нему, шельме, видно, что это он неспроста. И всё около Заторского пляшет, за рукав тянет: ничего, мол, стоять не будет, так пустят, без денег, у него там знакомые. И крестится и ругается — это всё у него вместе.

Пошли мы — так он надоел. Знали, что врал. Так и оказалось: заплатили. С разговором, правда, а всё-таки заплатили. Сели.

Смотрим представление. Ну, как обыкновенно: лошади, клоуны. Наверху человек двоих на зубах держал. Заторский посмотрел.

— Ну, — говорит, — ежели этот кусит... — И головой только помотал.

Под конец музыка остановилась, выходит человек в вязаной фуфайке, и с ним кенгура. В рост человека зверь, серой масти. На задних лапах, как на лыжах, стоит; передние лапки короткие, как ручки. И на всех четырёх лапах у него рукавицы шарами и крепко к лапам примотаны ремешками.

У этого, что её вывел, такие же шары на руках. Вышел распорядитель на середину и говорит:

— Сейчас почтеннейшей публике австралийский зверь кенгура покажет упражнение в боксе. Редкий случай искусства.

И вот этот человек в вязанке давай наступать на свою кенгуру с кулаками.

Она живо заработала ручками — трах-трах! — лап не видно. Хозяин отбивается, но, видать, она его не очень-то садит — учёная.

Всем смешно, все хлопают. Тут снова музыка ударила, и кенгура перестала драться.

Опять выходит распорядитель, поднял руку: музыка остановилась.

— Вот, — говорит, — публика убедилась наглядно, как работает австралийский зверь кенгура! Желающие испытать свои силы могут выступить в бой без перчаток. Кенгура работает в перчатках. Если кто победит зверя, получает немедленно тут же сто рублей деньгами.

Весь цирк молчит — слышно, как фонари жужжат.

Вдруг слышу:

— Есть желающий! Здесь!

Гляжу — это Простынёв орёт. Подплясывает, тянет Заторского за рукав. Заторский застыдился, покраснел, отмахивается. Весь цирк на него пялится, орут все:

— На арену! Га! А!

Такой содом поднялся. Заторский в ноги глядит, а Простынёв, «тёткин сын», вскочил на сиденье, на Заторского руками тычет: «Вот! Вот!» — да вдруг как сорвёт с него фуражку и швырнул на арену. Заторский вскочил — в проход, вниз, через барьер, за фуражкой.

Только он на арену — кенгура прыг! И загоро-

дила фуражку. Головка у неё маленькая, собачья, стоит и кулачками пошевеливает — и около самой фуражки. Тут распорядитель махнул рукой, и барабан в оркестре ударил дробь.

Заторский что-то кричит на кенгуру — ничего за барабаном не слышать, а кенгура на него хитро так и зло глядит и всё кулачками шевелит. Дразнит. Упёрлась хвостом в песок, хвост у неё мясистый, упористый — твёрдо стоит, проклятая.

Заторский на неё рукой, как на телёнка, по-деревенски — видно, отпугнуть хотел.

Вдруг кенгура задней ногой, как лыжей, бах ему в живот. Да здорово! Заторский так и сел, глаза выпучил. Вдруг, вижу, озверело лицо, побагровел весь, вскочил да как заревёт быком — куда твой барабан! Как рванётся на кенгуру — раз! раз!

Сбил с ног и с хвоста с этого насел. Весь цирк на ноги встал, и барабан оборвался. А Заторский и себя не помнит: где и что. Сидит на кенгуре и молотит, морду ей в песок вколачивает. Хозяин к нему — куда тут!.. И распорядитель, и циркачи — все вскочили, еле оторвали. Поставили Заторского на ноги. Он огляделся, вспомнил, где это он, и бегом в проход, вон из цирка, как был — без шапки. Мы — за ним.

Нагнали его на углу. А он отдышаться, отплеваться не может. Я ему:

— Чего ты озверел-то?

— Тьфу, — говорит, — обидно... зверь... а с подлостью.

А тут Простынёв нагоняет.

— Получил? — говорит. — Половина мне, потому без меня ты и не пошёл бы!

Смотрю, Заторский снова озверел, как зарычит:

— Иди ты к...

Простынёва и след простыл. Больше мы его и не видели. А кенгуры три недели в афишах не было, так мы и в море ушли.

МЫШКИН

Вот я расскажу вам, как я мстил, единственный раз в жизни, и мстил кровно, не разжимая зубов, и держал в груди спёртый дух, пока не спустил курок. Звали его Мышкин, кота моего покойного. Он был весь серый, без единого пятна, мышинового цвета, откуда и его имя. Ему не было года. Его в мешке принёс мне мой мальчишка. Мышкин не выпрыгнул дико из мешка, он высунул свою круглую голову и внимательно огляделся. Он аккуратно, не спеша, вылез из мешка, вышагнул на пол, отряхнулся и стал языком приводить в порядок шерсть. Он ходил по комнате извиваясь и волнуясь, и чувствовалось, что мягкий, ласковый пух вмиг, как молния, обратится в стальную пружину. Он всё время вглядывался мне в лицо и внимательно, без боязни следил за моими движениями. Я очень скоро выучил его давать лапку, идти на свист. Я, наконец, выучил его на условный свисток вскакивать на плечи — этому я выучил его, когда мы ходили вдвоём по осеннему берегу, среди высокого жёлтого бурьяна, мокрых рытвин и склизких оползней. Глухой глинистый обрыв, на вёрсты без жилья. Мышкин искал, пропадал

в этом разбойном бурьяне, а этот бурьян, сырой и дохлый, ещё махал на ветру голыми руками, когда всё уж пропало, и всё равно не дождался счастья. Я свистел, как у нас было условлено, и вот уж Мышкин высокими волнами скачет сквозь бурьян и с маху вцепляется коготками в спину, и вот уж он на плече, и я чувствую тёплую мягкую шерсть у своего уха. И я тёрся холодным ухом и старался поглубже запрянуть его в тёплую шерсть.

Я ходил с винтовкой, в надежде, что удастся, может быть, подстрелить лепорих — французского кролика, — которые здесь по-дикому жили в норах. Безнадёжное дело пулей попасть в кролика! Он ведь не будет сидеть и ждать выстрела, как фанерная мишень в тире. Но я знал, какие голод и страх делают чудеса. А были уж заморозки, и рыба в наших берегах перестала ловиться. И ледяной дождь брызгал из низких туч. Пустое море мутной рыжей волной без толку садило в берег день и ночь, без перебою. А жрать хотелось каждый день с утра. И тошная дрожь пробирала каждый раз, как я выходил и ветер захлопывал за мною дверь. Я возвращался часа через три без единого выстрела и ставил винтовку в угол. Мальчишка варил ракушки, что насобирали за это время: их срывал с камней и выбрасывал на берег прибой.

Но вот что тогда случилось: Мышкин вдруг весь вытянулся вперёд у меня на плече, он балансировал на собранных лапках и вдруг выстрелил — выстрелил собою, так что я шатнулся от неожиданного толчка. Я остановился. Бурьян шатался впереди, и по нему я следил за движе-

ниями Мышкина. Теперь он стал. Бурьян мерно качало ветром. И вдруг писк, тоненький писк, не то ребёнка, не то птицы. Я побежал вперёд. Мышкин придавил лапой кролика, он вгрызся зубами в загривок и замер, напряжись. Казалось, тронешь — и из него брызнет кровь. Он на мгновение поднял на меня ярые глаза. Кролик ещё бился. Но вот он дёрнулся последний раз и замер, вытянулся. Мышкин вскочил на лапы, он сделал вид, что будто меня нет рядом, он озабоченно затрусил с кроликом в зубах. Но я успел шагнуть и наступил кролику на лапы. Мышкин заворчал, да так зло! Ничего! Я присел и руками разжал ему челюсти. Я говорил «тубо» при этом. Нет, Мышкин меня не царапнул. Он стоял у ног и ярыми глазами глядел на свою добычу. Я быстро отхватил ножом лапку и кинул Мышкину. Он высокими прыжками ускакал в бурьян. Я спрятал кролика в карман и сел на камень. Мне хотелось скорей домой — похвастаться, что и мы с добычей. Чего твои ракушки стоят! Кролик, правда, был невелик! Но ведь сварить да две картошки, эге! Я хотел уже свистнуть Мышкина, но он сам вышел из бурьяна. Он облизывался, глаза были дикие. Он не глядел на меня. Хвост неровной плёткой мотался в стороны. Я встал и пошёл. Мышкин скакал за мной, я это слышал. Наконец я решил свистнуть. Мышкин с разбега, как камень, ударился в мою спину и вмиг был на плече. Он мурлыкал и мерно перебирал когтями мою шинель. Он тёрся головой об ухо, он бодал пушистым лбом меня в висок.

Семь раз я рассказал мальчишке про охоту.

Когда легли спать, он попросил ещё. Мышкин спал, как всегда усевшись на меня поверх одеяла.

С этих пор дело пошло лучше: мы как-то раз вернулись с парой кроликов. Мышкин привык к дележу и почти без протеста отдавал добычу.

...И вот однажды я глядел ранним утром в заплаканное дождём окно, на мутные тучи, на мокрый пустой огородишко и не спеша курил папироску из последнего табаку. Вдруг крик, резкий крик смертельного отчаяния. Я сразу же узнал, что это Мышкин. Я оглядывался: где, где? И вот сова, распутив крылья, планирует под обрыв, в когтях что-то серое бьётся. Нет, не кролик, это Мышкин. Я не помнил, когда это я по дороге захватил винтовку, — но нет, она круто взяла под обрыв, стрелять уже было не во что. Я побежал к обрыву: тут ветер переносил серый пушок. Видно, Мышкин не сразу дался. Как я прозевал? Ведь это было почти на глазах, тут, перед окном, шагах в двадцати! Я знаю: она, наверное, сделала с ним как с зайцем: она схватила растопыренными лапами за зад и плечи, резко дёрнула, чтобы поломать хребет, и живого заклевала у себя в гнезде.

На другой день, ещё чуть брезжил рассвет, я вышел из дому. Я шёл наудачу, не ступая почти, осторожно, крадучись. Зубы были сжаты, и какая злая голова на плечах! Я осторожно обыскал весь берег. Уже стало почти светло, но я не мог вернуться домой. Мы вчера весь день не разговаривали с мальчишкой. Он сварил ракушек, но я не ел. Он спал ещё, когда я ушёл.

И пса моего цепного я не погладил на его привет; он подвизгнул от горечи.

Я шёл к дому всё той же напряжённой походкой. Я не знал, как я войду в дом. Вот уже видна и собачья будка из-за бугра, вот пень от спиленной на дрова последней акации. Стой, что же это на пне?

Она! Она сидела на пне, мутно-белого цвета, сидела против моего курятника, что под окном. Я замедлил шаги. Теперь она повернула голову ко мне. Оставалось шагов шестьдесят. Я тихо стал опускаться на колено. Она всё глядела. Я медленно, как стакан воды, стал поднимать винтовку. Сейчас она будет на мушке. Она сидит неподвижно, как мишень, и я отлично вижу её глаза. Они как ромашки, с чёрным сердцем-зрачком. Взять под неё, чуть пониже ног.

Я весь замер и тихонько нажимал спуск. И вдруг сова как будто вспомнила, что забыла что-то дома, махнула крыльями и низко над землёй пролетела за дом. Я еле удержал палец, чтобы не дёрнуть спуск. Я стукнул прикладом о землю, и ружьё скрипело у меня в злых руках. Я готов был просидеть тут до следующего утра. Я знаю, что ветер бы не застудил моей злобы, а об еде я тогда не мог и думать.

Я пробродил до вечера, скользил и падал на этих глиняных буграх. Я даже раз посвистел, как Мышкину, но так сейчас же обозлился на себя, что бегом побежал с того места, где это со мной случилось.

Домой я пришёл, когда было темно. В комнате свету не было. Не знаю, спал ли мальчиш-

ка. Может быть, я его разбудил. Потом он меня впотьмах спросил: какие из себя свиные яйца? Я сказал, что завтра нарисую.

А утром... Ого! Утром я точно рассчитал, с какой стороны подходить. Именно так, чтоб светлеющий восход был ей в глаза, а я был на фоне обрыва. Я нашёл это место. Было совсем темно, и я сидел не шевелясь. Я только чуть двинул затвор, чтобы проверить, есть ли в стволе патроны. Я закаменел. Только в голове недвижимым чёрным пламенем стояла ярость, как — как любовь, потому что только влюблённым мальчиком я мог сидеть целую ночь на скале против её дома, чтобы утром увидеть, как она пойдёт в школу. Любовь меня тогда грела, как сейчас грела ярость.

Стало светать. Я уж различал пень. На нём никого не было. Или мерещится? Нет, никого. Я слышал, как вышла из будки моя собака, как отряхивалась, гремя цепью. Вот и петух заорал в курятнике. Туго силенка рассвет. Но теперь я вижу ясно пень. Он пуст. Я решил закрыть глаза и считать до трёх тысяч и тогда взглянуть. Я не мог досчитать до пятисот и открыл глаза: они прямо глядели на пень, и на пне сидела она. Она, видно, только что уселась, она переминалась ещё. Но винтовка сама поднималась. Я перестал дышать. Я помню этот миг, прицел, мушку и её над нею. В этот момент она повернула голову ко мне своими ромашками, и ружьё выстрелило само. Я дышал по-собачьи и глядел. Я не знал, слетела она или упала. Я вскочил на ноги и побежал.

За пнём, распластав крылья, лежала она.

Глаза были открыты, и она ещё поводила вздёрнутыми лапами, как будто защищаясь. Несколько секунд я не открывал глаз и вдруг со всей силой топнул прикладом по этой голове, по этому клюву.

Я повернулся, я широко вздохнул в первый раз за всё это время.

В дверях стоял мальчишка, распахнув рот. Он слышал выстрел.

— Её? — Он охрип от волнения.

— Погляди. — И я кивнул назад.

Этот день мы вместе собирали ракушки.

НАВОДНЕНИЕ

В нашей стране есть такие реки, что не текут всё время по одному месту. Такая река то бросится вправо, потечёт правее, то через некоторое время, будто ей надоело здесь течь, вдруг переползёт влево и зальёт свой левый берег. А если берег высокий, вода подмывает его. Крутой берег обвалится в реку, и если на обрыве стоял дом, то полетит в воду и он.

Вот по такой реке шёл буксирный пароход и тащил две баржи. Пароход остановился у пристани, чтобы оставить там одну баржу, и тут к нему с берега приехал начальник и говорит:

— Капитан, вы пойдёте дальше. Будьте осторожны, не сядьте на мель: река ушла сильно вправо и теперь течёт совсем по другому дну. И сейчас она идёт всё правее и правее и затопляет и подмывает берег.

— Ох, — сказал капитан. — Мой дом на правом берегу почти у самой воды. Там остались жена и сын. Вдруг они не успели убежать!

Капитан приказал пустить машину самым полным ходом. Он спешил к своему дому и очень сердился, что тяжёлая баржа задерживает ход.

Пароход немного проплыл, как вдруг его сигналом потребовали к берегу. Капитан поставил баржу на якорь, а пароход направил к берегу.

Он увидел, что тысячи людей с лопатами, с тачками спешат — возят землю, насыпают стенку, чтоб не пустить реку залить берег. Возят брёвна, чтобы забивать в берег и укреплять стенку. А машина с высокой железной рукой ходит по стенке и ковшом нагребает на неё землю.

К капитану подбежали люди и спросили:

— Что в барже?

— Камень.

Все закричали:

— Ах, как хорошо! Давайте сюда! А то, смотрите, сейчас река прорвёт стенку и смоев всю нашу работу. Река бросится на поля и смоев все посева. Скорей! Скорей давайте камень!

Тут капитан забыл про жену и сына. Он пустил пароход что есть духу и привёл баржу под самый берег.

Люди стали таскать камень и укрепили стенку. Река остановилась и дальше не пошла. Тогда капитан спросил.

— Не знаете ли, как у меня дома?

Начальник послал телеграмму, и скоро пришёл ответ. Там тоже работали все люди, какие

были, и спасли домик, где жила жена капитана с сыном.

— Вот, — сказал начальник. — Здесь вы помогли нашим, а там товарищи спасли ваших.

ОБВАЛ

Девочка Валя ела рыбу и вдруг подавилась косточкой. Мама закричала:

— Съешь скорее корку!

Но ничего не помогало. У Вали текли из глаз слёзы. Она не могла говорить, а только хрипела и махала руками.

Мама испугалась и побежала звать доктора. А доктор жил за сорок километров. Мама сказала ему по телефону, чтоб он скорей, скорей приезжал.

Доктор сейчас же собрал свои щипчики, сел в автомобиль и поехал к Вале. Дорога шла по берегу. С одной стороны было море, а с другой стороны крутые скалы. Автомобиль мчался во весь дух. Доктор очень боялся за Валю.

Вдруг впереди одна скала рассыпалась на камни и засыпала дорогу. Ехать стало нельзя.

Было ещё далеко. Но доктор всё равно хотел идти пешком.

Вдруг сзади затрубил гудок. Шофёр посмотрел назад и сказал:

— Погодите, доктор, помощь идёт!

А это спешил грузовик. Он подъехал к завалу. Из грузовика выскочили люди. Они сняли с грузовика машину-насос и резиновые трубы и провели трубу в море.

Насос заработал. По трубе он сосал из моря воду, а потом гнал её в другую трубу. Из этой трубы вода вылетала со страшной силой. Она с такой силой вылетала, что конец трубы людям нельзя было удержать: так он трясся и бился. Его привинтили к железной подставке и направили воду прямо на обвал. Получилось, как будто стреляют водой из пушки. Вода так сильно била по обвалу, что сбивала глину и камни и уносила их в море. Весь обвал вода смыла с дороги.

— Скорей, едем! — крикнул доктор шофёру.

Шофёр пустил машину. Доктор приехал к Вале, достал свои щипчики и вынул из горла косточку.

А потом сел и рассказал Вале, как завалило дорогу и как насос-гидротаран размыл обвал.

НА ЛЬДИНЕ

Зимой море замёрзло. Рыбаки всем колхозом собрались на лёд ловить рыбу. Взяли сети и поехали на санях по льду. Поехал и рыбак Андрей, а с ним его сынишка Володя. Выехали далеко-далеко. И куда кругом ни глянь, всё лёд и лёд: это так замёрзло море. Андрей с товарищами заехал дальше всех. Наделали во льду дырок и сквозь них стали запускать сети. День был солнечный, всем было весело. Володя помогал выпутывать рыбу из сетей и очень радовался, что много ловилось.

Уже большие кучи мороженой рыбы лежали на льду, Володин папа сказал:

— Довольно, пора по домам.

Но все стали просить, чтобы остаться ночевать и с утра снова ловить. Вечером поели, завернулись поплотней в тулупы и легли спать в санях. Володя прижался к отцу, чтоб было теплей, и крепко заснул.

Вдруг ночью отец вскочил и закричал:

— Товарищи, вставайте! Смотрите, ветер какой! Не было бы беды!

Все вскочили, забегали.

— Почему нас качает? — закричал Володя.

А отец крикнул:

— Беда! Нас оторвало и несёт на льдине в море.

Все рыбаки бегали по льдине и кричали:

— Оторвало, оторвало!

А кто-то крикнул:

— Пропали!

Володя заплакал. Днём ветер стал ещё сильнее, волны набегали на льдину, а кругом было только море. Володин папа связал из двух шестов мачту, привязал на конце красную рубаху и поставил, как флаг. Все глядели, не видать ли где парохода. От страха никто не хотел ни есть, ни пить. А Володя лежал в санях и смотрел в небо: не глянет ли солнышко.

И вдруг в прогалине между туч Володя увидел самолёт и закричал:

— Самолёт! Самолёт!

Все стали кричать и махать шапками. С самолёта упал мешок. В нём была еда и записка: «Держитесь! Помощь идёт!» Через час пришёл пароход и перегрузил к себе людей, сани, лошадей и рыбу. Это начальник порта узнал, что на льдине унесло восьмерых рыбаков. Он послал

им на помощь пароход и самолёт. Лётчик нашёл рыбаков и по радио сказал капитану парохода, куда идти.

КАК ТОНУЛ ОДИН МАЛЬЧИК

Один мальчик пошёл ловить рыбу. Ему было восемь лет. Он увидел на воде брёвна и подумал, что это плот: так они плотно лежали одно к другому.

«Сяду я на плот, — подумал мальчик, — а с плота можно удочку далеко забросить!»

Почтальон шёл мимо и видел, что мальчик идёт к воде.

Мальчик шагнул два шага по брёвнам, брёвна разошлись, и мальчик не удержался, упал в воду между брёвнами. А брёвна опять сошлись и закрылись над ним, как потолок.

Почтальон схватился за сумку и побежал что есть мочи к берегу.

Он всё время глядел на то место, где упал мальчик, чтобы знать, где искать.

Я увидел, что сломя голову бежит почтальон, и я вспомнил, что шёл мальчик, и вижу — его не стало.

Я в тот же миг пустился туда, куда бежал почтальон. Почтальон стал у самой воды и пальцем показывал в одно место.

Он не сводил глаз с брёвен. И только сказал:
— Тут он!

Я взял почтальона за руку, лёг на брёвна и просунул руку, куда показывал почтальон. И как раз там, под водой меня стали хватать ма-

ленькие пальчики. Мальчик не мог вынырнуть. Он стучался головой о брёвна и искал руками помощи. Я ухватил его за руку и крикнул почтальону:

— Тяни!

Мы вытащили мальчика. Он почти захлебнулся. Мы его стали тормошить, и он пришёл в себя. А как только пришёл в себя, он заревел.

Почтальон поднял удочку и говорит:

— Вот и удочка твоя. Чего ты ревёшь? Ты на берегу. Вот солнышко!

А он:

— Ну да, а картуз мой где?

Почтальон махнул рукой.

— Чего слёзы-то льёшь? И так мокрый. И без картуза мамка тебе обрадуется. Беги домой.

А мальчик стоял.

— Ну, найди ему картуз,— сказал почтальон,— а мне надо идти.

Я взял у мальчика удочку и стал шарить под водой. Вдруг что-то нацепилось, я вынул, это был лапоть.

Я ещё долго шарил. Наконец вытащил какую-то тряпку. Мальчик сразу узнал, что это картуз. Мы выжали из него воду. Мальчик засмеялся и сказал:

— Ничего, на голове обсохнет!

ДЫМ

Никто этому не верит. А пожарные говорят:

— Дым страшнее огня. От огня человек убегает, а дыму не боится и лезет в него. И там за-

дыхается. И ещё: в дыму ничего не видно. Не видно, куда бежать, где двери, где окна. Дым ест глаза, кусает в горле, щиплет в носу.

И пожарные надевают на лицо маски, а в маску по трубке идёт воздух. В такой маске можно долго быть в дыму, но только всё равно ничего не видно.

И вот один раз тушили пожарные дом. Жильцы выбежали на улицу.

Старший пожарный крикнул:

— А ну, посчитайте, все ли?

Одного жильца не хватало.

И мужчина кричал:

— Петька-то наш в комнате остался!

Старший пожарный послал человека в маске найти Петьку. Человек вошёл в комнату.

В комнате огня ещё не было, но было полно дыму.

Человек в маске обшарил всю комнату, все стены и кричал со всей силы через маску:

— Петька, Петька! Выходи, сторишь! Подай голос.

Но никто не отвечал.

Человек услышал, что валится крыша, испугался и ушёл.

Тогда старший пожарный рассердился:

— А где Петька?

— Я все стены обшарил, — сказал человек.

— Давай маску! — крикнул старший.

Человек начал снимать маску. Старший видит — потолок уже горит. Ждать некогда.

И старший не стал ждать — окунул рукавицу в ведро, заткнул её в рот и бросился в дым.

Он сразу бросился на пол и стал шарить. На-

ткнулся на диван и подумал: «Наверное, он туда забился, там меньше дыму».

Он сунул руку под диван и нащупал ноги. Схватил их и потянул вон из комнаты.

Он вытянул человека на крыльцо. Это и был Петька. А пожарный стоял и шатался. Так его заел дым.

А тут как раз рухнул потолок, и вся комната загорелась.

Петьку отнесли в сторону и привели в чувство. Он рассказал, что со страху забился под диван, заткнул уши и закрыл глаза. А потом не помнит, что было.

А старший пожарный для того взял рукавицу в рот, что через мокрую тряпку в дыму дышать легче.

После пожара старший сказал пожарному:

— Чего по стенам шарил! Он не у стенки тебя ждать будет. Коли молчит, так, значит, задохнулся и на полу валяется. Обшарил бы пол да койки, сразу бы и нашёл.

БОРОДА

Один старик шёл ночью через лёд. И уж совсем подходил к берегу, как вдруг лёд подломился, и старик упал в воду. А у берега стоял пароход, и с парохода шла железная цепь в воду к якорю.

Старик добрался до цепи и стал по ней лезть. Вылез немного, устал и стал кричать: «Спасите!»

Матрос на пароходе услышал, поглядел — а на якорной цепи кто-то прицепился и кричит.

Матрос не стал долго думать, нашёл верёвку, схватил конец в зубы и полез по цепи вниз спасать старика.

— На, — говорит матрос, — верёвку, обвяжись, дедушка, я тебя вытяну.

А дедушка говорит:

— Нельзя меня тянуть; у меня борода к железу примёрзла.

Матрос достал нож.

— Отрежь, — говорит, — дед, бороду.

— Нет, — говорит дед. — Как же мне без бороды?

— Не до весны же ты на бороде висеть будешь, — сказал матрос, отхватил ножом бороду, обвязал старика и вытянул его на верёвке.

Потом матрос привёл его в тёплую каюту и говорит:

— Раздевайся, дедушка, да ложись в постель, а я тебе чаю согрею.

— Какой чай, — говорит дед, — коли без бороды теперь. — И заплакал.

— Смешной ты дед, — сказал матрос. — Чуть было совсем ты не пропал, а чего бороды жалеть, коли она вырастет.

Стащил с себя старик мокрую одежду и лёг в тёплую постель. А наутро сказал матросу:

— Твоя правда: вырастет борода, а без тебя бы я пропал.

КАК УТОНУЛ ПАРОХОД

Была война. Люди боялись, чтобы враги не приплыли к их земле на военных кораблях.

Военные корабли из пушек могут всё на берегу разбить. А потом могут привезти с собой солдат и высадить их на берег.

Так вот, чтоб военные корабли боялись подходить к берегу, в море пускали большие круглые железные коробки. Эта коробка так устроена, что если за неё заденет пароход, то она сейчас же взорвётся. Да с такой силой, что непременно сделает дырку в пароходе. И в пароход начнёт набираться вода, и тогда он может потонуть.

Эти коробки называют минами. Чтобы мины никуда не уносило и чтобы они стояли около берега в воде, их привязывают проволоочной верёвкой к тяжёлым якорям. Якоря крепко лежат на дне и держат мины. Чтобы их сверху не было видно, проволоочную верёвку делают покороче, так что мина сидит под водой, но не очень глубоко. Пароход над ней не пройдёт, непременно дном зацепит. Когда воевали, много военных кораблей наскакивало на мины. Мины взрывались и топили корабли.

Но вот кончилась война. Вынули из воды мины. А когда подсчитали, то вышло, что вынули не все. Немного мин ещё осталось в море. Их не могли найти.

По морю стали ходить простые пароходы, а не военные. Простые пароходы перевозили людей и товары из порта в порт, из страны в страну.

Один пароход шёл с грузом. Дело было летом, и была спокойная погода. Пароход проходил мимо рыбаков, и с парохода все смотрели, как рыбаки поднимают сети и много ли попало рыбы.

Вдруг раздался такой удар, будто гром. Па-

роход тряхнуло, и из-под борта взлетел в воздух сноп воды выше мачты. Это пароход толкнул мину, и она взорвалась. Пароход стал быстро тонуть.

Рыбаки оставили сети, подплыли на лодках к пароходу и взяли всех людей. Капитан долго не хотел уходить. Ему было жалко парохода. Он думал, что, может быть, пароход можно как-нибудь спасти и он не утонет. Но все видели, что пароход всё равно утонет. И капитана силой взяли в лодку.

Пароход пошёл на дно вместе с грузом.

КАК ПОДНЯЛИ ПАРОХОД СО ДНА

Пароход опустился на дно и лёг, наклонившись набок. У него была большая пробоина, и он весь был наполнен водой.

Вода была там, где стоит машина; вода была в каютах, где жили люди; вода была в трюмах, где лежал товар. Маленькие рыбки заходили заглянуть, нет ли чем поживиться.

Капитан очень хорошо знал место, где утонул его пароход. Там было не очень глубоко: туда могли спуститься водолазы. Пароход решили поднять!

Пришёл спасательный пароход и стал спускать под воду водолазов. Водолазы все одеты в резиновые костюмы: через них вода не проходит. Грудь и воротник у этого костюма — медные. Голову водолаза закрывают медным колпаком. Этот колпак привинчивают к воротнику. А в медном колпаке есть стеклянное окошеч-

ко — чтобы водолазу смотреть. И ещё в этот колпак идёт резиновая труба, в неё сверху качают воздух, чтобы водолаз под водой мог дышать.

Водолазы привязали к пароходу большущие бидоны — понтоны. В эти понтоны напустили по трубам воздух. Понтоны поплыли вверх, потянули с собой пароход.

Когда пароход всплыл, все обрадовались, и больше всех капитан. Пароход на буксире повели в починку. На нём был только один человек. Это капитан скорей захотел пойти на свой пароход. Двадцать дней чинили пароход — и заделали пробойну.

БЕЛЫЙ ДОМИК

Мы жили на море, и у моего папы была хорошая лодка с парусами. Я отлично умел на ней ходить — и на вёслах, и под парусами. И всё равно одного меня папа никогда в море не пускал. А мне было двенадцать лет.

Вот раз мы с сестрой Ниной узнали, что отец на два дня уезжает из дому, и мы затеяли уйти на шлюпке на ту сторону; а на той стороне залива стоял очень хорошенький домик: беленький, с красной крышей. А кругом домика росла рощица. Мы там никогда не были и думали, что там очень хорошо. Наверно, живут добрые старик со старушкой. А Нина говорит, что непременно у них собачка, и тоже добрая. А старики, наверное, простоквашу едят и нам обрадуются и простокваши дадут.

И вот мы стали копить хлеб и бутылки для воды. В море-то ведь вода солёная, а вдруг в пути пить захочется?

Вот отец вечером уехал, а мы сейчас же налили в бутылки воды потихоньку от мамы. А то спросит: зачем? — и тогда всё пропало.

Чуть только рассвело, мы с Ниной тихонько вылезли из окошка, взяли с собой наш хлеб и бутылки в шлюпку. Я поставил паруса, и мы вышли в море. Я сидел как капитан, а Нина меня слушалась как матрос.

Ветер был лёгонький, и волны были маленькие, и у нас с Ниной выходило, будто мы на большом корабле, у нас есть запасы воды и пищи, и мы идём в другую страну. Я правил прямо на домик с красной крышей. Потом я велел сестре готовить завтрак. Она наломала мелко хлеба и откупорила бутылку с водой. Она всё сидела на дне шлюпки, а тут, как встала, чтобы мне подать, да как глянула назад, на наш берег, она так закричала, что я даже вздрогнул:

— Ой, наш дом еле видно! — и хотела реветь.

Я сказал:

— Рёва, зато старичков домик близко.

Она поглядела вперёд и ещё хуже закричала:

— И старичков домик далеко: нисколько мы не подъехали. А от нашего дома уехали!

Она стала реветь, а я назло стал есть хлеб как ни в чём не бывало. Она редела, а я приговаривал:

— Хочешь назад — прыгай за борт и плыви домой, а я иду к старичкам.

Потом она попила из бутылки и заснула.

А я всё сижу у руля, и ветер не меняется и дует ровно. Шлюпка идёт гладко, и за кормой вода журчит. Солнце уже высоко стояло.

И вот я вижу, что мы совсем близко уж подходим к тому берегу и домик хорошо виден. Вот пусть теперь Нинка проснётся да глянет — вот обрадуется! Я глядел, где там собачка. Но ни собачки, ни старичков видно не было.

Вдруг шлюпка споткнулась, стала и наклонилась набок. Я скорей опустил парус, чтобы совсем не опрокинуться. Нина вскочила. Спросонья она не знала, где она, и глядела, вытаращив глаза. Я сказал:

— В песок ткнулись. Сели на мель. Сейчас я спихну. А вон домик.

Но она и домику не обрадовалась, а ещё больше испугалась. Я разделся, прыгнул в воду и стал спихивать.

Я выбился из сил, но шлюпка ни с места. Я её клонил то на один, то на другой борт. Я спустил паруса, но ничто не помогло.

Нина стала кричать, чтобы старичок нам помог. Но было далеко, и никто не выходил. Я велел Нинке выпрыгнуть, но и это не облегчило шлюпку: шлюпка прочно вкопалась в песок. Я пробовал пойти вброд к берегу. Но во все стороны было глубоко, куда ни сунься. И никуда нельзя было уйти. И так далеко, что и доплыть нельзя.

А из домика никто не выходил. Я поел хлеба, запил водой и с Ниной не говорил. А она плакала и приговаривала:

— Вот завёз, теперь нас здесь никто не найдёт. Посадил на мель среди моря. Капитан!

Мама с ума сойдёт. Вот увидишь. Мама мне так и говорила: «Если с вами что, я с ума сойду».

А я молчал. Ветер совсем затих. Я взял и заснул.

Когда я проснулся, было совсем темно. Нинка хныкала, забившись в самый нос, под скамейку. Я встал на ноги, и шлюпка под ногами качнулась легко и свободно. Я нарочно качнул её сильнее. Шлюпка на свободе. Вот я обрадовался! Ура! Мы снялись с мели. Это ветер переменялся, нагнал воды, шлюпку подняло, и она сошла с мели.

Я огляделся. Вдали блестели огоньки — много-много. Это на нашем берегу: крохотные, как искорки. Я бросился поднимать паруса. Нина вскочила и думала сначала, что я с ума сошёл. Но я ничего не сказал. А когда уже направил шлюпку на огоньки, сказал ей:

— Что, рёва? Вот и домой идём. А реветь нечего.

Мы всю ночь шли. Под утро ветер перестал. Но мы были уже под берегом. Мы на вёслах догреблись до дому. Мама и сердилась и радовалась сразу. Но мы выпросили, чтобы отцу ничего не говорила.

А потом мы узнали, что в том домике уже целый год никто не живёт.

КАК Я ЛОВИЛ ЧЕЛОВЕЧКОВ

Когда я был маленький, меня отвезли жить к бабушке. У бабушки над столом была полка.

А на полке парходик. Я такого никогда не видел. Он был совсем настоящий, только маленький. У него была труба: жёлтая и на ней два чёрных пояса. И две мачты. А от мачт шли к бортам верёвочные лесенки. На корме стояла будочка — как домик. Полированная, с окошечками и дверкой. А уж совсем на корме — медное рулевое колесо. Снизу под кормой — руль. И блестел перед рулём винт, как медная розочка. На носу два якоря. Ах, какие замечательные! Если б хоть один у меня такой был!

Я сразу запросил у бабушки, чтоб поиграть парходиком. Бабушка мне всё позволяла. А тут вдруг нахмурилась:

— Вот это уж не проси. Не то играть — трогать не смей. Никогда! Это для меня дорогая память.

Я видел, что, если и заплакать, не поможет.

А парходик важно стоял на полке на лакированных подставках. Я глаз от него не мог оторвать.

А бабушка:

— Дай честное слово, что не прикоснёшься. А то лучше спрячу-ка от греха.

И пошла к полке. Я чуть не заплакал и крикнул всем голосом:

— Честное-расчестное, бабушка.— И схватил бабушку за юбку.

Бабушка не убрала парходика.

Я всё смотрел на парходик. Влезал на стул, чтоб лучше видеть. И всё больше и больше он мне казался настоящим. И непременно должна дверца в будочке отворяться. И наверно, в нём живут человечки. Маленькие, как раз по росту парходика. Выходило, что они должны быть

чуть ниже спички. Я стал ждать, не поглядит ли кто из них в окошечко. Наверно, подглядывают. А когда дома никого нет, выходят на палубу. Лазят, наверное, по лестничкам на мачты.

А чуть шум — как мыши: юрк в каюту. Вниз — и притаются. Я долго глядел, когда был в комнате один. Никто не выглянул. Я спрятался за дверь и глядел в щёлку. А они хитрые, человечки проклятые, знают, что я подглядываю. Ага! Они ночью работают, когда никто их спугнуть не может. Хитрые.

Я стал быстро-быстро глотать чай. И запросился спать.

Бабушка говорит:

— Что это? То тебя силком в кровать не заго- нишь, а тут этакую рань и спать просишься.

И вот, когда улеглись, бабушка погасила свет. И не видно парходика. Я ворочался нарочно, так что кровать скрипела.

Бабушка:

— Чего ты всё ворочаешься?

— А я без света спать боюсь. Дома всегда ноч- ник зажигают. — Это я наврал: дома ночью тем- но наглухо.

Бабушка ругалась, однако встала. Долго ко- вырялась и устроила ночник. Он плохо горел. Но всё же было видно, как блестел парходик на полке.

Я закрылся одеялом с головой, сделал себе домик и маленькую дырочку. И из дырочки глядел не шевелясь. Скоро я так присмотрелся, что на парходике мне всё стало отлично видно. Я долго глядел. В комнате было совсем тихо. Только часы тикали. Вдруг что-то тихонько

зашуршало. Я насторожился — шорох этот на пароходике. И вот будто дверка приоткрылась. У меня дыхание спёрло. Я чуть двинулся вперёд. Проклятая кровать скрипнула. Я спугнул человечка!

Теперь уж нечего было ждать, и я заснул. Я с горя заснул.

На другой день я вот что придумал. Человечки, наверно же, едят что-нибудь. Если дать им конфету, так это для них целый воз. Надо отломить от леденца кусок и положить на пароходик, около будочки. Около самых дверей. Но такой кусок, чтоб сразу в ихние дверцы не пролез. Вот они ночью двери откроют, выглянут в щёлочку. Ух ты! Конфетица! Для них это — как ящик целый. Сейчас выскочат, скорей конфетину к себе тащить. Они её в двери, а она не лезет! Сейчас сбегают, принесут топорики — маленькие-маленькие, но совсем всамделишные — и начнут этими топориками тюкать: тюк-тюк! тюк-тюк! И скорей продирать конфетину в дверь. Они хитрые, им лишь бы всё вёртко. Чтоб не поймали. Вот они завозятся с конфетиной. Тут, если я и скрипну, всё равно им не поспеть: конфетина в дверях застрянет — ни туда ни сюда. Пусть убегут, а всё равно видно будет, как они конфетину тащили. А может быть, кто-нибудь с перепугу топорик упустит. Где уж им будет подбирать! И я найду на пароходике на палубе малюсенький настоящий топорик, остренький-преостренький.

И вот я тайком от бабушки отрубил от леденца кусок, как раз какой хотел. Выждал минуту, пока бабушка в кухне возилась, раз-два — на

стол ногами, и положил леденец у самой дверки на пароходике. Ихних полшага от двери до леденца. Слез со стола, рукавом затёр, что ногами на следил. Бабушка ничего не заметила.

Днём я тайком взглядывал на пароходик. Повела бабушка меня гулять. Я боялся, что за это время человечки утянут леденец и я их не поймаю. Я дорогой нюнил нарочно, что мне холодно, и вернулись мы скоро. Я глянул первым делом на пароходик! Леденец как был — на месте. Ну да! Дураки они днём братья за такое дело!

Ночью, когда бабушка заснула, я устроился в домике из одеяла и стал глядеть. На этот раз ночник горел замечательно, и леденец блестел, как льдинка на солнце, острым огоньком. Я глядел, глядел на этот огонёк и заснул, как назло! Человечки меня перехитрили. Я утром глянул — леденца не было, а встал я раньше всех, в одной рубашке бегал глядеть. Потом со стула глядел — топорика, конечно, не было. Да чего же им было бросать: работали не спеша, без помехи, и даже крошечки ни одной нигде не валялось — всё подобрали.

Другой раз я положил хлеб. Я ночью даже слышал какую-то возню. Проклятый ночник еле коптел, я ничего не мог рассмотреть. Но на утро хлеба не было. Чуть только крошек осталось. Ну, понятно, им хлеба-то не особенно жалко, не конфеты: там каждая крошка для них леденец.

Я решил, что у них в пароходике с обеих сторон идут лавки. Во всю длину. И они днём там сидят рядком и тихонько шепчутся. Про свои дела. А ночью, когда все-все заснут, тут у них работа.

Я всё время думал о человечках. Я хотел взять тряпочку, вроде маленького коврика, и положить около дверей. Намочить тряпочку чернилами. Они выбегут, не заметят сразу, ножки запачкают и наследят по всему пароходику. Я хоть увижу, какие у них ножки. Может быть, некоторые босиком, чтобы тише ступать. Да нет, они страшно хитрые и только смеяться будут над всеми моими штуками.

Я не мог больше терпеть.

И вот — я решил непременно взять пароходик и посмотреть и поймать человечков. Хотя одного. Надо только устроить так, чтобы остаться одному дома. Бабушка всюду меня с собой таскала, во все гости. Всё к каким-то старухам. Сиди — и ничего нельзя трогать. Можно только кошку гладить. И шушукает бабушка с ними полдня.

Вот я вижу — бабушка собирается: стала собирать печенье в коробочку для этих старух — чай там пить. Я побежал в сени, достал мои варежки вязанные и натёр себе и лоб и щёки — всю морду, одним словом. Не жалея. И тихонько прилёг на кровать.

Бабушка вдруг хватилась:

— Боря, Борюшка, где ж ты?

Я молчу и глаза закрыл. Бабушка ко мне:

— Что это ты лёг?

— Голова болит.

Она тронула лоб.

— Погляди-ка на меня! Сиди дома. Назад пойду, малины возьму в аптеке. Скоро вернусь. Долго сидеть не буду. А ты раздевайся-ка и ложись. Ложись, ложись без разговором.

Стала помогать мне, уложила, увернула оде-

К сказке «Храбрый утёнок»

К сказке «Девочка Катя»

ялом и всё приговаривала: «Я сейчас вернусь, живым духом».

Бабушка заперла меня на ключ. Я выждал пять минут: а вдруг вернётся? Вдруг забыла там что-нибудь?

А потом я вскочил с постели как был в рубахе. Я вскочил на стол, взял с полки пароходик. Сразу руками понял, что он железный, совсем настоящий. Я прижал его к уху и стал слушать: не шевелятся ли? Но они, конечно, примолкли. Поняли, что я схватил ихний пароход. Ага! Сидите там на лавочке и примолкли, как мыши. Я слез со стола и стал трясти пароходик. Они стряхнутся, не усидят на лавках, и я услышу, как они там болтаются.

Но внутри было тихо.

Я понял: они сидят на лавках, ноги поджали и руками что есть сил уцепились в сиденья. Сидят как приклеенные.

Ага! Так погодите же. Я подковырну и приподниму палубу. И вас всех там накрою. Я стал доставать из буфета столовый нож, но глаз не спускал с пароходика, чтоб не выскочили человечки. Я стал подковыривать палубу. Ух, как плотно всё заделано. Наконец удалось немножко подсунуть нож. Но мачты поднимались вместе с палубой. А мачтам не давали подниматься эти верёвочные лесенки, что шли от мачт к бортам. Их надо было отрезать — иначе никак. Я на миг остановился. Всего только на миг. Но сейчас же торопливой рукой стал резать эти лесенки. Пилил их тупым ножом. Готово, все они повисли, мачты свободны. Я стал ножом приподнимать палубу. Я боялся сразу дать большую щель. Они

бросятся все сразу и разбегутся. Я оставил щёлку, чтобы пролезть одному. Он ползет, а я его — хлоп! — и захопну, как жука в ладони. Я ждал и держал руку наготове — схватить.

Не лезет ни один! Я тогда решил сразу отвернуть палубу и туда в серёдку рукой — прихлопнуть. Хоть один да попадётся. Только надо сразу: они уж там небось приготовились — откроешь, а человечки прыск все в стороны.

Я быстро откинул палубу и прихлопнул внутрь рукой. Ничего. Совсем, совсем ничего! Даже скамеек этих не было. Голые борта. Как в кастрюльке. Я поднял руку. И под рукой, конечно, ничего. У меня руки дрожали, когда я прилаживал назад палубу. Всё криво становилась. И лесенки никак не приделать. Они болтались как попало. Я кой-как приткнул палубу на место и поставил парходик на полку. Теперь всё пропало!

Я скорей бросился в кровать, завернулся с головой.

Слышу ключ в дверях.

— Бабушка! — под одеялом шептал я. — Бабушка, миленькая, родненькая, чего я наделал-то!

А бабушка стояла уж надо мной и по голове гладила:

— Да чего ты ревёшь, да плачешь-то чего? Родной ты мой, Борюшка! Видишь, как я скоро?

Она ещё не видала парходика.

НАД ВОДОЙ

— Я так мечтала полететь к облакам, а теперь боюсь, боюсь! — говорила дама, которую подсаживал в каюту самолета толстый мужчина в дорожном пальто.

— Теперь — как по железной дороге, — утешал её толстяк, — даже лучше: никаких стрелочников, столкновений, снежных заносов.

За ними неторопливо протискивался военный с пакетами, с толстым портфелем и с револьвером поверх шинели.

Долговязый мрачный пассажир с сердитым, подозрительным видом осматривал аппарат со всех сторон, ничего не понимал, но думал, что всё же надёжнее, если самому посмотреть.

Он подошёл к пилоту, который возился у рулей, и спросил сухим голосом:

— А скажите, в воздухе бывают бури? И эти ямы воздушные? Ведь ночью их не видеть?

Пилот улыбнулся:

— Да и днём их не видно.

— А если провалимся, то?..

— Ну, пролетим вниз немного, не беда — мы высоко полетим.

— Ах, очень высоко? — вмешался молодой человек в синей кепке, тоже пассажир. — Это очень приятно! — сказал он храбро. Хотел улыбнуться, но вышло кисло.

Долговязый злобно взглянул на него и ушёл в каюту, где и уселся рядом с толстяком.

— Э-эй, обормоты! Не разливай бензин! — крикнул пилот мальчишкам, которые наполняли из жестянок бензинные баки.

— Ладно, чёрт! — сказал один из них и ловко вынул из отверстия бака сетчатый стакан, через который лился и фильтровался от сора бензин.

— Теперя ходче пойдёт. Чего зря-то мерзнуть! А засорится мотор — так тебе, дьяволу, и надо, лайся больше! Сам обормотина! — вполголоса ворчал мальчишка.

Наконец всё было готово, все десять пассажиров сидели по местам. Пора лететь. Механик ещё раз посмотрел, всё ли исправно.

— А что ж, меня-то возмёмшь? — спросил механика ученик Федорчук.

— Нет, ты тут подлётывай. В большой рейс тебя не рука брать. Лучше набрать чего-нибудь, повезти продать пуда четыре.

— Так ведь тут какое ученье! Взяли бы — пригодился б, может быть.

— Какая от тебя польза? Одно слово — балласт, — отрезал механик.

Но пилоту стало жаль Федорчука:

— Я всё равно никакой спекуляции везти не дам, чего там! Пусть учится. Одевайся — пометишь!

Федорчук бегом пустился в ангар одеваться. Снялись.

Аппарат набирал высоты, выше и выше, шёл к снежным облакам, которые до горизонта обволокли небо плотным куполом. Там, выше этих облаков, — яркое-яркое солнце, а внизу ослепительно белая пустыня — те же облака сверху.

Два мотора вертели два винта. За их треском трудно было слушать друг друга пассажирам, которые сидели в каюте аппарата. Они переписывались на клочках бумаги. Некоторые не

отрываясь глядели в окна, другие, наоборот, старались смотреть в пол, чтобы как-нибудь не увидеть, на какой они высоте, и не испугаться, но они чувствовали, что́ под ними, и от этого не могли ни о чём больше думать. Дама достала книжку и не отрываясь в неё смотрела, но ничего не понимала.

«А мы всё поднимаемся», — написал на бумажке весёлый толстый пассажир, смотревший в окно, своему обалдевшему соседу.

Тот прочёл, махнул раздражённо рукой, натянул ещё глубже свою шляпу и ниже наклонился к полу. Толстый пассажир достал из саквояжа бутерброды и принялся спокойно есть.

А впереди, у управления, сидели пилот, механик и ученик. Все были тепло одеты, в кожаных шлемах. Механик знаками показывал ученику на приборы: на альтиметр, который показывал высоту, на манометры, показывавшие давление масла и бензина. Ученик следил за его жестами и писал у себя в книжечке вопросы корявыми буквами — руки были в огромных тёплых перчатках. Альтиметр показывал 800 метров и шёл вверх. Уже близко облака.

«А как в облаках?» — писал Федорчук.

«Чепуха, увидишь», — ответил механик.

Ученик не спешил бояться, хоть никогда в облаках не был. Грешным делом, он всё-таки подумывал, что непременно должно выйти что-нибудь вроде столкновения. Впереди было совсем туманно, но через минуту аппарат попал в полосу снега, который, казалось, летел не сверху, а прямо навстречу.

Снег залепил окно впереди пилота — внизу

ничего не было видно. Пилот правил по компасу, но всё так же забирал выше и выше. Стало темнее.

Механик написал Федорчуку:

«Мы в облаках».

Вокруг них был густой туман, и стало темно, как в сумерки. Да и поздно было — оставалось полчаса до заката.

Но вот стало светлее, ещё и ещё, и яркое солнце совсем на горизонте весело засверкало на залепленных снегом стёклах. Даже пассажиры, что смотрели в пол, приободрились и ожили. Сильный ветер от хода аппарата сдул налипший на стёкла снег, и стало видно яркую пелену внизу, до самого горизонта, как будто над бесконечной снежной равниной нёсся аппарат.

Пилот смотрел по часам и высчитывал в уме, где они сейчас должны были быть. Солнце зашло. Механик включил свет, и оттого в каюте у пассажиров стало уютней. Все привыкли к равномерному рёву моторов и свисту ветра. В каюте было тепло, и можно было забыть, что под аппаратом полторы версты пустого пространства, что если упасть, то ворон костей не соберёт, что жизнь всех — в искусстве пилота и исправной работе моторов. Многие совсем развеселились, а толстый пассажир посылал всем смешные записки.

Вдруг в рёв моторов ворвались какие-то перебои.

Пассажиры беспокойно переглянулись. Долговязый побледнел и в первый раз взглянул в окно: оттуда на него глянула пустая темнота, только отражение лампочки тряслось в стекле.

Но перебои прекратились, и опять по-прежнему ровным воем ревели моторы.

«Не пугайтесь, — писал толстяк, — если и станут моторы, мы спланируем».

«В море», — приписал долговязый и передал записку обратно.

Действительно, аппарат летел теперь над морем. Механик напряжённо слушал рёв моторов, как доктор слушает сердце больного. Он понял, что был пропуск, что, вероятно, засорился карбюратор — через него попадает бензин в мотор, а что теперь пронесло; но уже знал, что бензин не чист, и боялся, что засорится карбюратор — и станет мотор.

Федорчук спросил, в чём дело. Но механик отмахнулся и, не отвечая, продолжал напряжённо прислушиваться. Ученик старался сам догадаться, отчего это поперхнулся мотор. Тысяча причин: магнето, свечи, клапаны — и какой мотор, правый или левый? В каждом моторе опять же два карбюратора. Федорчуку тоже приходило в голову, не засорилось ли.

«Ну, — подумал Федорчук, — будем планировать и чиниться в воздухе».

Но ему было удивительно, почему так перепугался этот знающий механик. Такой он трус или в самом деле что-нибудь серьёзное, чего в полёте не исправить, а он, новичок, не понимает?

Но тут рёв мотора стал вдвое слабее. Пилот повернул руль и выключил левый мотор. Федорчук понял, что правый стал сам.

Механик побледнел и стал качать ручной помпой воздух в бензинный бак. Федорчук сообразил, что он хочет напором бензина прочистить засорившийся карбюратор, но знал уже, что это

ни к чему. Пилот кричал на ухо механику, чтобы тот шёл на крыло наладить остановившийся мотор.

Альтиметр показывал 1200 метров.

А в каюте встревоженные пассажиры глядели друг другу в испуганные лица, и даже толстяк писал не совсем чётко: рука его тряслась немного.

«Мы планируем, сейчас исправят мотор, и мы полетим».

Но мысленно все прибавляли: «вниз головой в море».

Пассажиры не знали, на какой они высоте. Все боялись моря внизу, и в то же время их пугала высота.

Долговязый пассажир вдруг сорвался с места и бросился к дверям каюты; он дёргал ручку, как будто хотел вырваться из горящего дома. Но дверь была заперта снаружи. Дама выпустила из рук книжку, дико, пронзительно закричала. Все вздрогнули, вскочили с мест и стали бесцельно метаться.

Толстяк повторял, не понимая своих слов:

— Я скажу, чтобы летели, сейчас скажу!..

Дама повернулась к окну и вдруг мелко и слабо забарабанила кулачками по стеклу, но сейчас же упала без чувств поперёк каюты.

Военный, бледный как полотно, стоял и глядел в чёрное окно остановившимися глазами. Колени его тряслись, он еле стоял на ногах, но не мог отвести глаз. Молодой человек в синей кепке закрыл лицо руками, как будто у него болели зубы. В переднем углу пожилой пассажир мотал болезненно головой и вскрикивал: «Га-га-га».

В такт этому крику всё сильнее дёргалась ручка двери и больше раскачивался молодой человек. «Га-га-га» перешло в исступлённый рёв, и вдруг все пассажиры завывали, застонали раздирающим хором.

А механик всё возился, всё подкачивал помпу, стучал пальцем по стеклу манометра. Пилот толкнул его локтем и строго кивнул головой в сторону выхода на крыло. Механик сунулся, но сейчас же вернулся — он стал рыться в ящике с инструментами, а они лежали в своих гнёздах, в строгом порядке. Хватал один ключ, бросал, мотал головой, что-то шептал и снова рылся. Федорчук теперь ясно видел, что механик струсил и ни за что уж не выйдет на крыло. Пилот раздражённо толкнул механика кулаком в шлем и ткнул пальцем на альтиметр: он показывал 150. Сто пятьдесят метров до моря.

Механик утвердительно закивал головой и ещё быстрее стал перебирать инструменты. Пилот крикнул:

— Возьми руль!

Хотел встать и сам пойти к мотору, но механик испуганно замахал руками и откинулся на спинку сиденья.

Федорчук вскочил.

— Давай ключ! — крикнул он механику.

Тот дрожащей рукой сунул ему в руки маленький гаечный ключик. Федорчук вышел на крыло.

Резкий, пронизывающий ветер нёс холодный туман; он скользкой корой намерззал на крыльях, на стойках, на проволочных тягах.

— К мотору!

Рискуя каждую секунду слететь вниз, добрался Федорчук до мотора. Тёплый ещё.

Федорчук слышал вой из пассажирской каюты и нащупывал на карбюраторе нужную гайку.

Вот она! Скользко стоять, ветер ревет и толкает с крыла.

Вот гайка подалась.

Идёт дело!

Спешит Федорчук, и уж слышно, как ревет внизу море. Ещё минута, другая — и аппарат со всеми людьми потонет в мёрзлой воде.

— Готово!

Теперь гайку на место! Замёрзли пальцы, не попадает на резьбу проклятая гайка. Сейчас, сейчас на месте, теперь немного ещё притянуть.

— Есть! — заорал Федорчук во всю силу своих лёгких.

Включили электрический пуск, и заревели моторы.

В каюте все сразу стихли и опустились где кто был: на пол, на диван, друг на друга. Толстяк первый пришёл в себя и стал подымать бесчувственную даму.

А Федорчук смело лез по крылу назад к управлению. У него весело было на сердце. Порывы штормового ветра бросали аппарат. Федорчук взялся за ручку дверцы, но соскользнула нога с обледенелого крыла, ручка выскользнула из рук, и Федорчук сорвался в тёмную пустоту.

Через минуту пилот злобно взглянул на механика. Тот, бледный, всё ещё перебирал инструменты в ящике. Оба понимали, почему нет Федорчука.

КОМПАС

Было это давно, лет, пожалуй, тридцать тому назад. Порт был пароходами набит — стать негде.

Придёт пароход — вся команда высыпает на берег, и остаётся на пароходе один капитан с помощником, механики. Это моряки забастовали: требовали устройства союза и чтоб жалованья прибавили.

А пароходчики не сдавались — посидите голодом, так небось назад запроситесь!

Вот уже тридцать дней бастовали моряки. Комитет выбрали. Комитет бегал, доставал поддержку: деньги собирал.

Впроголодь сидели моряки, а не сдавались.

Мы были молодые ребята, лет по двадцать каждому, и нам чёрт был не брат.

Вот сидели мы как-то, чай пили без сахара и спорили: чья возьмёт.

Алёшка Тищенко говорит:

— Нет, не сдадутся пароходчики, ничто их не возьмёт. У них денег мешки наворочены. Мы вот чай пустой пьём, а они...

Подумал и говорит:

— А они — лимонад.

А Серёжка-Горилла рычит:

— Кабы их с этого лимонаду не вспучило. Тридцать дней хлопцы держатся, пять тысяч народу на бульваре всю траву штанами вытерли.

А Тищенко своё:

— А им что? Коров на твоём бульваре пасти? Напугал чем!

И ковыряет со злости стол ножиком. Тут вле-

тает парнишка. Вспотелый, всклокоченный. Плюнул в пол, хлопнул туда фуражкой, кричит:

— Они здесь чай пьют!..

— Лимонад нам пить, что ли? — говорит Тищенко и волком на него глянул.

А тот кричит бабьим голосом:

— Они чай пьют, а с «Юпитера» дым идёт!

Тищенко:

— Нехай он сгорит, «Юпитер», тебе жалко?

— С трубы, — кричит, — с трубы дым пошёл!

Тут мы все встали, и Серёжка-Горилла говорит:

— Это не дым идёт, а провокация.

Парнишка плачет:

— Чёрный! Там дворники под котлами шевелят. Пошли!

Выскочили мы, пошли к «Юпитеру».

Верно, из паровой трубы шёл чёрный дым, а кругом — и на сходне, и на пристани, и на палубе — кавалеры в чёрных тужурках. Рукава русским флагом обшиты, и на поясе револьверы.

Не подойти!

— Союзники русского народа, — объясняет парнишка.

Будто мы не знаем, что такое «Союз русского народа» — полицейская порода.

Когда мы на бульвар пришли, только и разговору, что про «Юпитер». Стоит народ, и все на дым смотрят.

Взялся капитан с дворниками в рейс пойти, сорвать матросскую забастовку. Капитан — из «русского народу», и охрану ему дали: двадцать пять человек. Дворники — не дворники, а уголь

шевелият здорово. На руль помощников капитан поставит, в машину — механиков...

— Очень просто, что снимутся, — говорит Тищенко, — а в Варне заграничную команду возьмут — и дошёл.

Серёжка вдруг оскалился, говорит:

— Не пустим!

— Ты ему соли на корму насыпь, — смеётся Тищенко.

— Знаем, как насолить, — говорит Серёжка. — Пойдём... — И толкает меня под бок.

Вышли мы из толпы. Серёжка мне говорит:

— Ты не трус?

— Трус, — говорю.

Он помолчал и говорит:

— Так вот, приходи ты сегодня в одиннадцать часов на Угольную, я около трапа тебя ждать буду. И никому ничего.

Пальцем помахал и пошёл прочь.

Чудак!

Прихожу в одиннадцать на Угольную пристань. Фонари электрические горят, и от пристани на воду густая тень ложится — ничего не видать под стенкой. Дошёл до трапа, на ступеньках сидит Серёжка-Горилла. Сел я рядом.

— Что, — спрашиваю, — ты надумал?

— Полезай, — говорит, — в тузик вон у плота, доро́гой обмозгуем.

Рассмотрелся, вижу плот и тузик.

Пошёл я по плоту, — не видать, где плот кончается. Ступил на воду, как на доску, и полетел в воду. Самому смешно: шинель вокруг меня венчиком плавает, и я — как в розетке.

А вода весенняя, холодная.

Я — в туз. Пока вылез, хорошо намок.

Разделся я до белья — и холодно и смешно. Стал грести, согрелся.

— Ну, — говорит Серёга, — начало хорошее. А сделаем мы вот что: я на «Юпитере» путевой компас из нактоуза¹ выверну и тебе в мешке спущу.

— А как подойдём? Трап ты спросишь у охранников?

— Нет, — говорит, — там угольная баржа о борт с ним стоит, какого-нибудь дурака свалю.

— Свалю, — говорю.

И весело мне стало. Гребу я и всё думаю, какого там дурака будем валять. Как-то забыл, что «союзники» там с револьверами.

А Серёжка мешок скручивает и верёвку приготавливает.

Обогнули мол. Вот он, «Юпитер», вот и баржонка деревянная прикорнула с ним рядом. Угольщица.

Гребу смело к пароходу. Вдруг оттуда голос:

— Кто едет?

Ну, думаю, это береговой — флотский крикнул бы: «Кто гребёт?»

И отвечаю грубым голосом:

— Та не до вас, до деда.

— Какого деда там? — уж другой голос спрашивает. А на такой барже никакого жилья не бывает, никаких дедов, и всякий гаванский человек это знает.

А я гребу и кричу ворчливо:

¹ Н а к т о у з — медный предохранительный колпак с фонарями на компасе.

— Какого деда? До Опанаса, на баржу,— и протискиваю туз между баржой и пароходом.

Серёжка окликает:

— Опанас! Опанас!

С парохода помогают:

— Дедушка, к вам приехали!

Залез я на баржу, с борта прыгнул на уголь и пошёл в нос. А нос палубой прикрыт. И говорю громко:

— Дедушка, дедушка, это мы. Какой вы сторож! Вас палкой не поднять,— и шевелю уголь ногой.

Смотрю — и Серёжка лезет ко мне.

Чиркнул спичку. А я стариковским голосом шамкаю:

— Та не жгите огня, пожару наделаете, шут с вами.

Серёжка, дурак, смеётся.

— Да, да, не зажигайте спичек, мы вам фонарь сейчас дадим.

И затопали по палубе. Серёжка говорит мне:

— А чудак ты, дедушка, ей-богу, чудак!

Я выглянул из-под палубы. Смотрю, уже фонарь волокут.

Я скорей к ним.

К мокрому белью уголь пристал — самый подходящий вид у меня сделался, это я уже при фонаре заметил. Сидим мы с фонарём под палубой и вполголоса беседуем.

Я всё шамкаю.

— Лезь, — шепчет Серёга, — в туз, а как уйдут с борта — стукни чуть веслом в борт.

Я полез в туз.

Вдруг Серёга громко говорит:

— Так вода, говоришь, у тебя в носу оставлена, дедушка?

А я знаю, что он один там, и отвечаю из туза:

— В носу, в носу вода!

— Так заткни, чтоб не вытекла! Не тебя спрашивают, — говорит Серёга.

На борту засмеялись. А Серёга зашагал по углю в корму. Потом вернулся. Опять прошёл на корму, и всё смолкло.

Смотрю — один только человек остался у борта.

— Эй, — говорит, — фонарь-то потом верните. И отошёл. Стало тихо.

Я подождал минут пять и стукнул веслом в баржу. Бережно, но чётко: тук!

И тут заколотилось у меня сердце. Я прислушивался во все уши, но, кроме сердца своего, ничего не слышал.

Глянул вверх — через щели в барже светит фонарь.

Прошёл человек по палубе. Перегнулся через борт и спрашивает как начальник:

— Это что за лодка?

А я чувствую, что скажу слово — голос сорвётся. Молчу.

Он опять. Крикнул уже:

— Что это за лодка? Эй, ты!

Тут ему кто-то из ихних ответил:

— Это сюда, на баржу, к старику, свои приехали.

— Ага, — говорит и отошёл.

Опять стало тихо. Я уж вверх не гляжу, смотрю по борту парохода.

Вдруг что-то вниз ползёт серое по чёрному борту. Я замер. Дошло до воды — стало.

Мешок.

Вся сила ко мне вернулась.

Не брякнул я, не стукнул. Протянулся тузом по борту вперёд, ухватил мешок — здорово тяжёлый! — и осторожно опустил в туз.

В это время туз качнуло: глянул — Серёжка уже стоит на корме.

Он по той же верёвке слез, на которой и мешок опустил.

Я взялся за вёсла и стал потихоньку прогреться вперёд.

В это время с парохода кто-то крикнул:

— Эй, дед, фонарь давай! Заснул?

И мы слышали, как кто-то спрыгнул на баржу. Я чуть приналёг посильнее. Фонарь стал метаться по барже. На пароходе закричали, заголосили. Бах, бах! — щёлкнули два выстрела.

— Эй, навались!

Мы уже огибали мол. Серёжка оглянулся и сказал:

— Шлюпки за нами — навались!

Я рванул раз, два — и правое весло треснуло, я повалился с банки¹.

Вскочил, смотрю — Серёжка гребёт по-индейски обломком вёсла; как он успел на таком ходу ухватить обезьяньей хваткой обломок весла, до сих пор не пойму.

Мы завернули за мол в тёмную полосу под стенкой и забились между большим пароходом и пристанью, как таракан в щель.

Мы видели, как из-за мола вылетела белая

¹ Б а н к а — скамья на шлюпке.

шлюпка. Гребли четверо. Гребли вразброд, бестолково. Орала и стреляли.

Через полчаса мы прокрались под стенкой к своей пристани.

...Наутро пришли мы с Серёгой на бульвар.

Ещё пуце раздymился «Юпитер».

— Снимается, снимается анафема, — говорит Тищенко.

— Капитан там аккуратист — всё уже в порядке.

А тут сбоку подбавляют:

— Лиха беда начать — все пароходы вылезут. Наберут арапов, охрану поставят — и айда. Завязывай!

Тут какой-то вскочил на скамейку и начал:

— Товарищи! Не надо паники. Сотня арапов весны не делает, — и пошёл и пошёл...

А мы с Серёжкой переглядываемся.

Снялся «Юпитер». Вышел из порта.

Ну, думаю, через полчаса пойдёт капитан курс давать, глянет в путевой компас...

Погудел народ и приуныл. Сели на землю и трут затылки шапками. Всем досада.

Мы с Серёжкой ушли, так никому и слова не сказали.

Зашли в трактир, чаем пополоскались.

Дружина прошла строем, что на охране парохода была.

Серьёзно идут, волками по сторонам смотрят.

Часа три прошло.

Вдруг вой с бульвара, да какой! Ну, думаем, полиция орудует на бульваре.

Бросились бегом.

Смотрим — все стоят, в море смотрят и орут.

А это «Юпитер» идёт назад в порт. Увидал его народ, вой поднял.

А Серёга мне говорит:

— Смотри же, ни бум-бум, чтоб никто ничего!

Я так до сего времени и молчал.

Ну, теперь уж и сказать можно...

КАК ЯБЛОКИ СОБИРАЮТ

Вдруг я увидел лестницу. А на лестнице стояла тётя. Она доставала яблоки. И давала их девочкам. А девочки их в корзину клали.

А потом я увидал целую кучу яблок. Там сидели две тётки и яблоки смотрели. Возьмут яблоко, повертят, повертят и складывают в корзинки. Они на меня совсем не глядели. Это они глядели на яблоки.

Смотрели, чтобы пятнышка не было. Когда чёрненькое пятнышко, так это яблоко в другую корзину клали. А без пятнышек – это самые лучшие яблоки.

Мне Матвей Иванович сказал, что эти яблоки каждое в бумажку заворачивают, потом накладывают в ящики и крышки гвоздями прибивают. А потом в ящиках всюду развозят.

Их в вагонах развозят и на пароходах развозят. Куда угодно. И в Москву, и где французы живут, и даже англичанам, и всяким другим, потому что такие хорошие яблоки. И все их любят. А потом мы пошли, где собирают другие яблоки: очень жёлтые, с красной щёчкой. И они называются шафран.

ХРАБРЫЙ УТЁНОК

Каждое утро хозяйка выносила утятам полную тарелку рубленых яиц. Она ставила тарелку возле куста, а сама уходила.

Как только утята подбегали к тарелке, вдруг из сада вылетала большая стрекоза и начинала кружиться над ними.

Она так страшно стрекотала, что перепуганные утята убегали и прятались в траве. Они боялись, что стрекоза их всех перекушает.

А злая стрекоза садилась на тарелку, пробовала еду и потом улетала. После этого утята уже целый день не подходили к тарелке. Они боялись, что стрекоза прилетит опять. Вечером хозяйка убирала тарелку и говорила: «Должно быть, наши утята заболели, что-то они ничего не едят». Она и не знала, что утята каждый вечер голодные ложились спать.

Однажды к утятам пришёл в гости их сосед, маленький утёнок Алёша. Когда утята рассказали ему про стрекозу, он стал смеяться.

— Ну и храбрецы! — сказал он. — Я один прогоню эту стрекозу. Вот вы увидите завтра.

— Ты хвастаешь, — сказали утята, — завтра ты первый испугаешься и побежишь.

На другое утро хозяйка, как всегда, поставила на землю тарелку с рублеными яйцами и ушла.

— Ну, смотрите, — сказал смелый Алёша, — сейчас я буду драться с вашей стрекозой.

Только он сказал это, как вдруг зажужжала стрекоза. Прямо сверху она полетела на тарелку.

Утята хотели убежать, но Алёша не испугался. Не успела стрекоза сесть на тарелку, как

Алёша схватил её клювом за крыло. Насилу она вырвалась и с поломанным крылом улетела.

С тех пор она никогда не прилетала в сад, и утята каждый день наедались досыта. Они не только ели сами, но и угощали храброго Алёшу за то, что он спас их от стрекозы.

ДЕВОЧКА КАТЯ

Девочке Кате захотелось улететь. Своих крыльев нет. А вдруг есть на свете такая птица — большая, как лошадь, крылья — как крыша. Если на такую птицу сесть, то можно улететь через моря в тёплые страны.

Только птицу надо раньше задобрить и кормить птицу чем-нибудь хорошим — вишнями, например.

За обедом Катя спросила папу:

— Есть такие птицы — как лошадь?

— Не бывает таких, не бывает, — сказал папа.

А сам всё сидит и читает газету.

Увидала Катя воробья. И подумала: «Какой чудак таракан. Была бы я тараканом, подкралась бы к воробью, села бы ему между крыльев и каталась бы по всему свету, а воробей бы и не знал ничего».

И спросила папу:

— А что, если таракан на воробья сядет?

А папа сказал:

— Клюнет воробей и съест таракана.

— А бывает такое, — спросила Катя, — что орёл схватит девочку и понесёт к себе в гнездо.

— Не поднять орлу девочку, — сказал папа.

— А два орла понесут? — спросила Катя.

А папа ничего не ответил. Сидит и газету читает.

— Сколько орлов надо, чтобы понести девочку? — спросила Катя.

— Сто, — сказал папа.

А на другой день мама сказала, что орлов в городах не бывает. А по сто штук вместе орлы никогда не летают.

И орлы злые. Кровавые птицы. Поймает орёл птичку — разорвёт в кусочки. Схватит зайца — и лапок не оставит.

И Катя подумала: надо выбрать добрых белых птичек, чтобы жили дружно, летали бы стайей, крепко летали и махали бы широкими крыльями, белыми перьями. Подружиться с белыми птицами, таскать от обеда все крошки, не есть конфет два года — всё отдавать белым птичкам, чтоб птички полюбили Катю, чтобы взяли её с собою и унесли бы за море.

А в самом деле — как замашут крыльями, захлопают целой стайей — так что ветер подымет-ся и пыль по земле пойдёт. А птички выше, зажужжат, хлопочут, подхватят Катю... да так за что попало, за рукава, за платье, пусть даже за волосы схватят — не больно — клювиками схватят. Подымут выше дома — все смотрят, — мама крикнет: «Катя, Катя!» А Катя только головой закивает и скажет: «До свиданья, я потом приеду».

Наверное, есть такие птицы на свете. Катя спросила маму:

— Где узнать, какие бывают птицы на всём свете?

Мама сказала:

— Учёные знают, а впрочем — в зоосаде.

Гуляла Катя с мамой в зоосаде.

Ну их львов — и не надо обезьянок. А вот тут в больших клетках птицы. Клетка большая, и птичку еле видно. Ну, это маленькая. Таким и куклы не поднять.

А вот орёл. Ух, какой страшный.

Орёл сидел на сером камне и рвал по клочкам мясо. Кусит, рванёт, головой повертит. Клюв — как клещи железные. Острый, крепкий, крючковатый.

Совы сидели белые. Глаза — как большие пуговицы, мордочка пушистая, а в пуху крючком спрятан острый клюв. Ехидная птица. Хитрая.

Мама говорит: «Совушка, совушка», — а пальчика ей не сунула.

А вот птички — и не знает Катя — может быть, попугайчики, беленькие, крылышки отточенные, машут, как веерами, носики длиненькие, летают по клетке, усидеть не могут и все ласкового цвета.

Мама за руку дёргает. «Пойдём», — говорит. А Катя плачет, топает ногой. Видит ведь: те самые птицы белые, добрые, и крылья большие.

— Как они называются?

А мама говорит:

— Не знаю я. Ну птицы как птицы. Белые птицы, одним словом. А главное, обедать пора.

А дома Катя придумала.

А что придумала — никому не сказала.

Взять коврик, что висит над кроватью, и к этому коврику пришить по краям толстой ниткой конфеты, семечки, кисточки, бусинки — весь-весь коврик кругом обшить, и белые птички схватят, замахают белыми крылышками, дёрнут клювиками за ковёр.

А на ковре лежит Катя. Лежит, как в люльке, и птички её любят, и всех птичек триста, все кричат, все наперебой хватаются, несут, как пушинку. Выше крыши над всем городом. Все внизу стоят, головы забросили. «Что, — говорят, — что такое?» Выше дерева подняли. «Не бойся, — кричат птички, — не пустим, ни за что не пустим. Держите крепче!» — кричат птички.

А Катя растянулась на коврике, и ветром волосы треплет. Облако навстречу. В мягкое облако влетели птички. Обвеяло облако и в самое синее небо — всё кругом синее — и всё дальше, дальше. А там далеко, а там далеко осталась мама, плачет от радости: «Катеньку нашу птички как любят — с собой взяли. Тоже как птичку».

А потом за море. Внизу ходит море и синие волны. А птицы ничего не боятся. «Не уроним, — кричат, — не уроним!» И вдруг стало тепло-тепло. Прилетели в тёплые страны.

Там всё тёплое, и вода, как чай, тёплая, и земля тёплая. А трава совсем мягкая. И нигде нет колючек.

С этого дня Катя каждое утро клала за окно на подоконник сухарики, корочки, сахар. Била сахар на кусочки, раскладывала рядышком на подоконнике. Наутро ничего не было.

Птички знают — они ночью хватают, а днём, наверное, подглядывают: видят, что Катя их любит и своих конфет не жалеет.

Настало время. Покатились по небу тучи. Мама достала из корзины калоши. Катя сорвала со стены коврик — дошивала последние нитки. А птички ждали за крышей и тайком подглядывали — скоро ли постелет Катя свой коврик. Катя постелила коврик в комнате, легла и примерилась.

— Это что за фокусы, — сказала мама, — днём на полу валяться?

Катя встала и сразу заплакала. Мама схватила коврик.

— Это что за нитки? Это что за гадость — конфетки, объедки.

Катя заплакала ещё сильнее. А мама рвёт нитки, ругается.

Катя подумала: «Расскажу — может, лучше будет». И всё рассказала.

А мама села на ковёр и сказала:

— А ты знаешь, бывают птицы вороны. Видала — чёрные, носы как гвозди, долбанёт носом — и глаз вон. Они злые, цыплят таскают. Налетят на твоих белых птичек, как начнут долбить злыми носами — вправо, влево, по пёрышку растаскают всех птичек. Из самой высоты, с самого верху полетишь ты, как кошка из окошка.

Утром рано прыгнул кот на кровать к Кате и разбудил. Катя кота не скинула, а сгребла платье со стула под одеяло, всё, всё: и чулки, и подвязки, и башмаки. Стала под одеялом тихонько

одеваться. Чуть мама шевельнётся — Катя голову на подушку, а глаза закроет.

Наконец оделась, тихонько слезла на пол. Надела шапку, натянула пальто, взяла в кухне хлеба — потом тихонько без шума открыла дверь на лестницу и пошла по лестнице. Не вниз, а вверх. На третий этаж, на четвёртый этаж, на пятый этаж и ещё выше. Вот тут чердак начинается, а окно на крышу безо всяких стёкол. Из окна мокрый ветер дует.

Катя полезла в окно. Потом на крышу. А крыша была скользкая, мокрая. Катя полезла на животе, руками хваталась за железные рёбра, долезла до самого верху и села верхом на крышу у самой трубы.

Накрошила хлеба, разложила и справа и слева и сказала себе:

— Буду сидеть, не шевелиться, пока не прилетят птички. Может быть, они меня и так возьмут. Я их очень начну просить. Так очень, что заплачу.

Мелкий дождик с неба шёл, закапал всю Катю. Прилетел воробей. Посмотрел, посмотрел, повертел головой, посмотрел на Катю, пискнул и улетел.

— Это он ко мне прилетал, это его птички послали посмотреть: ждёт ли Катя. Полетит теперь и скажет, что сидит и ждёт.

«Вот, — думает Катя, — я закрою глаза, буду сидеть как каменная, а потом открою, и кругом будут все птицы, птицы».

И вот видит Катя, что она не на крыше, а в беседке. А к беседке прилетают птички, в клювиках цветочки — всю беседку усаживают цветоч-

ками. И у Кати на голове цветочки и на платье цветочки: а в руках корзинка, в корзинке конфеты, всё, что надо в дорогу.

А птицы говорят:

— По воздуху ехать страшно. Ты поедешь в коляске. Птицы запрягутся вместо лошадей, а тебе ничего не надо делать — ты сиди и держись за спинку.

Вдруг слышит Катя — гром раздался. Скорей, скорей летите, птички, гроза сейчас будет.

Птички машут изо всей силы крыльями, а гром сильней, ближе — и вдруг Катя слышит: «Ах, вот она где».

Катя открыла глаза. Это папа идёт по крыше. Идёт согнувшись — и гремит, хлопает под ним железо.

— Не шевелись, — кричит папа, — упадёшь.

Ухватил папа Катю поперёк живота и пополз с крыши.

А внизу стоит мама. Руки под подбородком сжала, и из глаз капают слёзы.

ПУТЕШЕСТВИЕ ХРАБРОГО ВАН-ГУГЕНА

Шесть недель перелистывал книги голландский воин Фома Ван-дер-Гуген. Это было четыреста лет тому назад, в старое время, и воин был старинный. Чего ж он книги перелистывал? В книгах он вычитывал, что́ ждёт его в пути, когда он на корабле поедет в Персию и повезёт золото, чтобы выкупить из плена своего брата Иоганна Ван-дер-Гугена. Корабли у голландцев на славу — ни ветру, ни бури не боятся — не беда.

А вот на первой же странице толстой книги написано: есть в океане морской человек. Лицом он похож на человека, только руки коротки и хвост рыбий. Однажды влез он на борт купеческого корабля: и корабль накренился на борт и вовсе перевернулся бы, не соскочи человек обратно в море.

«Ничего, — подумал Ван-дер-Гуген, — на корабле можно к берегу пристать, выскочить на землю и удрать от морского человека». Перевернул страницу — ещё картинка.

Рассмотрел: рыба на ножках. Подписано: морская собака. В море плавает, как рыба, по земле бегаёт, как зверь.

От такой и на берегу не спасёшься.

— Ну, а шпага моя на что? — сказал Ван-Гуген и погладил шпагу по боку. Но через две страницы он увидел картинку, как чешуйчатый морской змей на выбор глотает с корабля людей — какого захочет. И если даже всё время ходить в латах, то змей съест вместе с латами, ему и железо нипочём.

«Ну, должно быть, только отчаянных грешников хватает змей, меня не тронет», — решил Ван-Гуген. Но дальше прочёл в книге, что змей ухватил как-то даже монаха самой праведной жизни.

— А вдруг всё это не так? — уж вслух сказал Ван-Гуген и хотел выпить вина, чтоб согнать страх, но внизу страницы увидел семиголовое чудище, и достоверный учёный писал: «Эту семиголовую гидру и сейчас ещё можно видеть в городе Венеции, где её показывают за небольшие деньги».

Уж если сам архиепископ Магнус пишет, значит, правда, и Ван-Гуген уж не читал больше, а дрожащими пальцами листал книгу. Вон чудище прямо с берега ухватило человека и ест, как кильку. Захлопнул книгу. Открыл другую. Вот тут радость.

Босые, голые люди простым бревном губят чудище — крокодила. Главное — дружно налечь. Ван-Гуген приосанился, подбоченился. Эх, так его! Луком разят. Топором! Так его, голубчика. А-а-а, задрал ножки. Долго радовался Ван-Гуген. Ходил по комнате, ногой притоптывал — есть на чудище управа. Главное — дружно и не трусь.

Но вот он после обеда поспал, снова сел за книги: и вот на картине море, за морем огненные волны, с огнём уж тихая, мирная вода. А из тихой воды с края света подымается рука — пальцы до небес. Распялилась рука и вот-вот сгребёт когтями корабль. Тут уж трусь не трусь, дружно не дружно, всем одна жестокая судьба.

Ван-Гуген прищурил глаза и поднёс книгу к самому окну. Он сразу даже не понял, что нарисовано. Нет, верно. И подпись говорит ясно: вылез из моря огромный спрут, опутал своими щупальцами мачты корабля... ну, дальше понятно, чем всё кончилось.

Он хотел уже захлопнуть книгу. Но потом опять стал разглядывать ту картинку, на которой была нарисована рука. Вон море взмахнуло волной выше мачт корабля, сейчас грохнет на палубу и разобьёт, как гнилое корыто. Но вон-вон дальше тихое море, ещё шаг, два... А это что ж вверху?

Гигантская птица Рок ухватила, подняла ввысь корабль и рвёт, дерёт по ключьям, а люди валятся вниз, как семечки из дырявого мешка. Ну, а если и птице Рок недосуг будет рвать корабль, — то вон из-за горизонта вздымается до небес рука. Она закрыла собой огненный закат, распялилась и ждёт, как судьба.

Ван-дер-Гуген захлопнул учёную книгу и спрятал в шкаф.

«Нет, не поеду, ни за что не поеду, — в душе решил Ван-Гуген. — Скажу всем, что я занемог. Может, сын мой поедет... когда подрастёт».

И когда вошла жена, Ван-Гуген сделал кислую мину и, закатив глаза, спросил:

— Берта, ты не забыла, где живёт медикус Мунц?

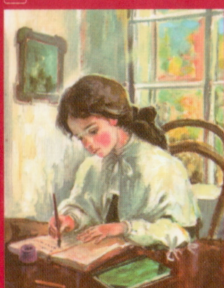
Вот какие книги печатались в старину. Конечно, на самом деле никаких таких зверей не было и никто их не мог видеть. Но тогда, в школах, на уроках географии всерьёз учили, в каких странах живут все эти чудища...

Содержание

Галка	3
Охотник и собаки	4
Как слон спас хозяина от тигра	5
Беспризорная кошка	7
Про слона	17
Мангуста	25
Кенгура	34
Мышкин.....	38
Наводнение	44
Обвал	46
На льдине	47
Как тонул один мальчик	49
Дым	50
Борода.....	52
Как утонул пароход.....	53
Как подняли пароход со дна	55
Белый домик	56
Как я ловил человечков	59
Над водой	67
Компас	75
Как яблоки собирают.....	83
Храбрый утёнок (<i>сказка</i>)	84
Девочка Катя (<i>сказка</i>).....	85
Путешествие храброго Ван-Гугена (<i>сказка</i>) ...	91

ДА
ПЕЧАТАЕТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА

Л. Чарская
**ЗАПИСКИ
МАЛЕНЬКОЙ ГИМНАЗИСТКИ**

ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА

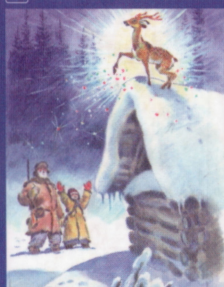
А. Куприн
**ЧУДЕСНЫЙ
ДОКТОР**

ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА

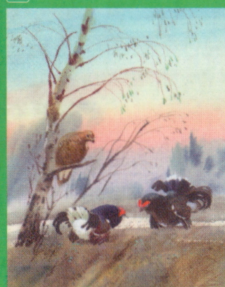
Владислав Крапивин
**ОРУЖЕНОСЕЦ
КАШКА**

ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА

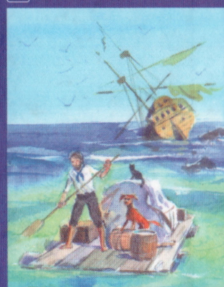
П. Бажов
**СЕРЕБРЯНОЕ
КОПЫЦЕ**

ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА

В. Бианки
**СИНИЧКИН
КАЛЕНДАРЬ**

ШКОЛЬНАЯ КЛАССИКА

Д. Дефо
РОБИНЗОН КРУЗО

Книги издательства вы можете заказать по адресу:
127015, Москва, Новодмитровская улица, 5а, стр. 4.

Наши телефоны: (495) 685-47-06, 685-59-01

www.iskatel.net

ИСКАТЕЛЬ

